

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

- Политическое устройство Германской имперіи А. Д. Градовскаго.
- О Тмутараканской Руси Н. Ламбина.
- Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи Б. П. Патканова.
- Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (Продолженіе). І. І. Первольфа.
- Критическія и библиографическія замѣтки:**
- Россия при Петрѣ Великомъ, по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ дипломатовъ. (Современныя извѣстія по исторіи Россіи. Изданы Эрнстомъ Германномъ. Россия при Петрѣ Великомъ по рукописнымъ извѣстіямъ *І. Г. Фокеродта* и *О. Плейера* А. Г. Брикнера.
- Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Переводъ съ англійскаго. Редакція изданія и примѣчанія *С. Н. Шубинскаго*. Съ приложеніемъ портрета императрицы Анны. Изданіе *Н. А. Исакова*. С.-Пб. 1874. Л. Н. Майкова.
- Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ (Продолженіе). И. И. Белярминова.
- Начальные уроки рисованія и черченія. Г. Н. Шумскаго.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшихъ учебныхъ заведеній б) гимназій и в) низшихъ училищъ.
- Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.
- Протоіерей Федоръ Федоровичъ Сидонскій. М. И. Владиславлева.
- Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки).

О ТМУТАРАКАНСКОЙ РУСИ.

Отрывокъ изъ сочиненія: „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи“¹⁾.

Вопросъ о началѣ Тмутараканскаго княжества не рѣшенъ доселѣ. Обыкновенно полагаютъ, что это замѣчательное на востокъ Русское княжество возникло во второй половинѣ X вѣка, вслѣдствіе похода Святослава въ Кавказскія страны. Но у византійскихъ и восточныхъ

¹⁾ Означимъ сокращенія, замѣняющія названія списковъ и лѣтописей, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ имѣющихъ послѣдовать отрывкахъ изъ нашего послѣдованія:

Арж. Архангелородскій «Лѣтописецъ», содержащій въ себѣ Россійскую исторію. Москва, 1781.

Гст. Густинская лѣтопись, въ «Поли. собр. лѣт.», т. II.

Др. Древніе списки или Древній (Лаврентьевскій) текстъ лѣтописи Нестора; тамъ же, т. I.

Ип. Ипатьевскій сп., въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Лвр. Лаврентьевскій сп., въ текстѣ I-го т. Поли. собр. лѣт.

Льв. Львовскій сп., или «Лѣтописецъ Руской»; изд. Спб. 1792.

Нов. Новгородскій лѣтописецъ, изд. въ «Продолж. древн. Росс. Вивліюеники», ч. II, Спб., 1786.

ПН. Патриаршій, или Никоновскій текстъ Нестора, въ «Поли. собр. лѣт.», т. IX.

ПС. «Лѣтописецъ Черяславля-Суздальскаго». Москва, 1851.

ПШл. Подетиковскій (утраченный) сп., извѣстный только по выпискамъ изъ него въ «Несторѣ» Шлецера.

Рдз. Радзивилловскій сп., въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Ср. Средній или Воскресенскій текстъ Нестора, въ «Поли. собр. лѣт.», т. VII.

Сф. Софійскій текстъ Нестора или «Софійская 1-я лѣтопись», тамъ же, т. V.

Тв. Тверская лѣтопись, въ «Поли. собр. лѣт.» т. XV.

Трч. Троицкій списокъ, въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Хл. Хлѣбниковскій сп., тамъ же.

+ значить прибавлено, а (—) пропущено въ такомъ-то спискѣ.

писателей встрѣчаются многія извѣстія, указывающія, что Русскіе уже въ первой половинѣ, или даже въ началѣ X вѣка, господствовали на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, при Киммерійскомъ проливѣ; а наши договоры съ Греками положительно и несомнѣнно подтверждаютъ этотъ фактъ, который только потому ускользалъ доселѣ отъ вниманія ученыхъ, что текстъ договоровъ, какъ и самой лѣтописи, не возстановленъ и не разработанъ критически. Въ договорѣ Игоря есть нѣсколько статей, подъ общимъ заглавіемъ „О Корсуньстѣй странѣ“, которыя представляютъ отдѣльный трактатъ, заключенный между Русью и Херсонцами и включенный въ общій договоръ Игоря съ Греками. Вотъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится „О Корсуньской странѣ“ и объ отношеніяхъ къ ней какого-то, какъ видно, близкаго ея сосѣда, „князя Русскаго“:

„А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части ¹⁾, да не имать волости князь русскій ²⁾ да воюеть ³⁾ на тѣхъ ⁴⁾ странахъ, и ⁵⁾ та страна не покоряется вамъ; тогда ⁶⁾, аще просити вой у насъ ⁷⁾ князь русскій ⁸⁾ да воюеть ⁹⁾, дамы ¹⁰⁾ ему, елико ему будетъ требѣ ¹¹⁾... А о сихъ, оже ¹²⁾ то приходять Чернїи Болгаре, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ ¹³⁾ князю русскому, да ихъ (не пуцаеть пакостять странѣ той ¹⁴⁾“. (Др. стр. 21—22).

¹⁾ сторонѣ Рдз., Трч.

²⁾ да не имуть власти князи рускыи (рустїи) Ин., Хл., Рдз., Трч., Тв., Сф.

³⁾ да воюють Рдз., воювати Тв. Въ спп. Сф. и Ср., начиная отсюда и до слѣдующаго «да воюеть» (вар. 9) включительно, все пропущено.

⁴⁾ на всѣхъ Рдз., Трч.

⁵⁾ а Ин., Рдз., Тв.

⁶⁾ и тогда Ин., Рдз., когда ли Тв.

⁷⁾ отъ насъ Ин., Рдз., Тв.

⁸⁾ князи рустїи Рдз.

⁹⁾ (—) Ин., Рдз., Тв.

¹⁰⁾ да дамы Лер., да дамы Сф., Ср., Тв.

¹¹⁾ (—) Сф., Ср. + и да воюеть Ин., Хл., Рдз., Трч.

¹²⁾ иже, кромѣ Лер. въ проч. спп.

¹³⁾ великому Сф., Ср. въ выноскахъ.

¹⁴⁾ не почаетъ пакостять странѣ его Лер., не пуцаеть, и пакостять сторонѣ (странѣ) его Ин., Хл., Рдз., Трч., Сф., не пуцаеть, и не пакостять странѣ (страны) его Ср., не пуцаеть, да не пакостять въ странѣ его Тв.

Должно полагать, что Русскіе, считая договоръ Олеговъ обязательнымъ для себя только по отношенію къ непосредственнымъ владѣніямъ имперїи Греческой, дозволяли себѣ при Игорѣ тревожить набѣгами Херсонскую область, какъ страну отдѣльную отъ имперїи, что они грабили и разоряли города ея и обижали Херсонцевъ, промышлявшихъ рыболовствомъ въ устьяхъ Днѣпра, и вѣроятно, имѣвшихъ тамъ свои временныя пристанища въ Бѣлобережьи и на островѣ

св. Елевферія, гдѣ нерѣдко зимовали и запоздавшіе на морѣ русскіе или варяжскіе пираты. Если бы ничего этого не было, то разумѣется, не было бы и никакого повода вносить въ договоръ Игоря эти дополнительные статьи, которыхъ нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ, и которыя, опредѣляя отношенія Руси только къ странѣ Херсонской и къ тамошнимъ Грекамъ, а не ко всей имперіи, представляютъ, такъ сказать, частныя условія, заключенныя между Херсонцами и какимъ-то русскимъ княземъ, какъ видно, ихъ ближайшимъ сосѣдомъ, уже прежде тревожившимъ ихъ область. Кто же былъ этотъ „князь русскій“? Никакъ не Игорь, и вотъ почему: 1) Въ договорѣ какъ русскіе послы, такъ и уполномоченные греческіе обыкновенно (именно семь разъ) титулуютъ Игоря „великій князь русскій“, или „великій князь нашъ (вашъ)“. Последніе, правда, называютъ его и просто: „князь вашъ“, но это названіе, пять разъ къ ряду повторяемое въ разныхъ падежахъ (Др. стр. 20—21), безъ сомнѣнія, существуетъ только въ русскомъ переводѣ договора, замѣняя въ немъ, стоявшее въ греческомъ текстѣ, абстрактное названіе $\eta \beta \acute{\alpha} \tau \epsilon \rho \alpha \alpha \rho \chi \omicron \nu \tau \iota \alpha$, равное такому же названію императора— $\eta \eta \mu \epsilon \tau \epsilon \rho \alpha \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \alpha$. Это послѣднее, какъ названіе иноземнаго государя, переводчикъ вездѣ передавалъ буквально, абстрактнымъ же, хотя и неупотребительнымъ на русскомъ языкѣ, „царство наше“; первое же замѣнилъ—можетъ-быть, по требованію самихъ русскихъ пословъ—выраженіемъ общепонятнымъ „князь вашъ“. Что выраженіе это дѣйствительно замѣняетъ абстрактный титулъ Игоря, или вѣжливый, почтительный терминъ тогдашняго дипломатическаго языка Грековъ, видно изъ того, что относящіяся къ нему сказуемыя и опредѣленія, равно какъ и замѣняющія его мѣстоименія и причастія въ предложеніяхъ придаточныхъ, согласуются съ нимъ обыкновенно, впрочемъ не вездѣ, во множественномъ числѣ вмѣсто единственнаго, то-есть, совершенно также, какъ и съ выраженіемъ „царство наше“. Такъ, Греки говорятъ: „нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають *отъ нихъ* (то есть, отъ князя вашего) сли и гостье, да приносятъ грамоту, *нишюче* (князь вашъ) сице...“ (Др. стр. 20). Вотъ другой примѣръ, изъ котораго еще очевидно, что князь, какъ титулъ владѣтельнаго лица, согласно съ дипломатическими приличіями византійскаго языка, считался какъ-бы за множественное число: „мы“, говорятъ Греки, „напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако *творятъ*“ (Др. 21). Посему нѣтъ основанія полагать, чтобы Греки въ вышеприведенныхъ статьяхъ подъ названіемъ „князь русскій“ разумѣли Игоря, котораго они въ про-

чихъ мѣстахъ договора титулуютъ иначе. 2) Если бы и допустить, что эта статья относится къ Игорю, то вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы необходимо допустить, что къ нему же относится и слѣдующая затѣмъ статья, въ которой Греки обѣщаютъ, какъ-бы въ награду за мирныя отношенія къ Херсонской странѣ, давать князю русскому вспомогательное войско противъ его собственныхъ враговъ. Но могли ли бы Греки исполнить такое обѣщаніе, данное Игорю, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если бы на сѣверные предѣлы его владѣній напали норманскіе пираты? Скоро ли успѣли бы Греки къ берегамъ Финскаго залива на помощь къ Игорю?! Очевидно, что это обѣщаніе могло быть дано только Херсонцами, и только тому русскому князю, котораго владѣнія граничили съ ихъ областью, и который, охраняя свои владѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ отъ тѣхъ же враговъ и и область Херсонскую. 3) По выраженному въ договорѣ предложенію или требованію Грековъ, чтобы князь русскій не пускалъ Черныхъ Волгарь воевать „въ странѣ Корсуньстѣй“, должно заключить, что Черные Волгары обыкновенно приходили въ эту страну черезъ пограничныя съ нею владѣнія русскаго князя, который легко могъ заградить имъ путь черезъ свои владѣнія и, такимъ образомъ, охранять отъ нихъ и владѣнія греческія. А отсюда слѣдуетъ, что этотъ „князь русскій“ никакъ не можетъ быть Игорь, котораго собственныя владѣнія лежали слишкомъ далеко отъ Херсонской области, и которому охранять самому эту область отъ Черныхъ ли Волгарь, или отъ другихъ непріятелей, было бы столь же трудно, какъ и Грекамъ посылать къ нему на дальній сѣверъ вспомогательное войско. Итакъ, чтобы обѣщаніе Грековъ помогать князю русскому, равно какъ и требованіе ихъ, дабы этотъ князь не пускалъ Черныхъ Волгарь въ страну Херсонскую, имѣли смыслъ и значеніе, то-есть, представляли бы условія возможныя и удобоисполнимыя,— необходимо допустить: а) что въ договорѣ подъ названіемъ „князь русскій“ Греки разумѣли не самого Игоря, а его вассала, князя-подручника, и притомъ ближайшаго сосѣда Херсонцевъ, владѣнія котораго лежали къ востоку отъ ихъ области на берегахъ Босфора Киммерійскаго; б) что Черными Волгарами они называли не Дунайскихъ, какъ полагалъ Карамзинъ, и не Камскихъ или Волжскихъ Волгарь, ибо ни тѣ, ни другіе никогда, сколько извѣстно по исторіи, не производили трудныхъ и почти невозможныхъ для нихъ вторженій въ отдаленную Тавриду, да притомъ не имѣли бы и надобности, при подобныхъ вторженіяхъ, переходить черезъ владѣнія какого-либо русскаго князя, и наконецъ, в) что врагами Херсонцевъ, упоминае-

ими въ договорѣ, были именно тѣ Болгары, которые обитали на Кавказскомъ перешейкѣ, по восточному берегу Азовскаго моря, или по Кубани, и страну которыхъ Константинъ Багрянородный называетъ *Черною Болгаріей*¹⁾. Стало быть, и изъ князей русскихъ только тотъ, который владѣлъ Киммерійскимъ проливомъ, имѣлъ возможность безъ особенныхъ усилій преграждать этимъ врагамъ путь въ Тавриду и быть, такимъ образомъ, надежнымъ стражемъ Херсонской области. Посему-то къ этому „князю русскому“, господствовавшему, по всей вѣроятности, въ Тмутаракани или въ городѣ Воспорѣ (гдѣ нынѣ Керчь), только и могутъ относиться условія Херсонцевъ, внесенныя въ договоръ Игоря.

Теперь, основываясь на этихъ соображеніяхъ, постараемся разобратъ и восстановить первоначальный текстъ вышеприведенныхъ условій, который въ нашихъ спискахъ подвергся различнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, искаженіямъ, и который, вслѣдствіе того, и въ „Полномъ собраніи лѣтописей“ переданъ невѣрно и даже безъ точнаго указанія чтеній самыхъ списковъ, что и побудило насъ обратиться къ подлиннымъ рукописямъ *Ип.* и *Рдз.* (другихъ у насъ не было подъ рукою) и дополнить по нимъ приведенные выше варианты. Впрочемъ, здѣсь по однимъ только вариантамъ, не зная подлинной пунктуациі каждаго списка, не возможно рѣшить, въ какомъ именно смыслѣ понимали наши переписчики первое изъ приведенныхъ условій. По-

¹⁾ Объ этой Болгаріи Константинъ упоминаетъ (de adm. imp. ed. Bonn., p. 81): «Bulgaria, quam *migram* vocant, potest Chazaros bello infestare», а въ другомъ мѣстѣ (l. c. p. 180) говоритъ, что Азовское море «ad septentrionem habet Daparin fluvium, ex quo Russi proficiscuntur in *migram* Bulgariam, Chazariam et Syriam». Карамзинъ (Ист. Г. Р. I, 153, прим. 356) ошибочно понялъ слова Константина, полагая, будто онъ *Черною* называетъ Болгарію Дунайскую. Ошибку его указалъ уже Бутковъ, который въ своей «Оборонѣ лѣтописи Нестора» (С.-Пб., 1840, стр. 21, 267 и слѣд.) объясняетъ, что Черною Болгаріей называлась «Древняя Великая Болгарія Кубано-Кавказская со времени ея покоренія Хозарами». Эта Болгарія, въ которой въ VII вѣкѣ кочевала сильная Воугарская орда хана Куврата, простиралась, по показанію Феодана Византійскаго и Никеоора (Метог. рор. II, p. 502—504), вдоль восточныхъ береговъ Азовскаго моря отъ устьевъ Дона до рѣки Кубани. Масуди и другіе восточные писатели также знаютъ этихъ первобытныхъ Волгаръ и говорятъ о нихъ, какъ о народѣ, существовавшемъ еще и въ X вѣкѣ на берегахъ Азовскаго моря; но ориенталисты почему-то совершенно игнорируютъ ихъ, относя всѣ встрѣчающіяся о нихъ извѣстія или къ Волжскимъ, или къ Дунайскимъ Волгарямъ, отчего въ ихъ переводахъ и толкованіяхъ восточныхъ извѣстій о Волгарахъ господствуетъ немалая путаница.

сему, полагая, что чтение *Лер.* списка передано въ текстѣ „Полнаго собранія лѣтописей“ со всею точностію, согласно съ пунктуациею подлинника, приведемъ въ параллель къ нему буквально-точное чтение списковъ *Ин.* и *Рдз.*, означивъ разности послѣдняго въ скобкахъ:

„О корсуньскіи (—стѣи) сторопѣ. колкоже (коликоже) есть городъ на той части (сторонѣ) да неимуть власти (.) князи рускыи (роустни). да воюеть на тѣхъ (да воюють на всѣхъ) сторонахъ. а та страна не покоряется вамъ“.

Трудно сказать, какъ понимали это мѣсто переписчики *Ин.* и *Рдз.* списковъ. Видно только, что подъ выраженіями „на той части (=сторонѣ)“ и „та страна“ они разумѣли страну Херсонскую, надъ городами которой князья русскіе не должны имѣть власти: и которая не должна имъ подчиняться; выраженіе же „на тѣхъ (на всѣхъ) сторонахъ“ они, кажется, принимали въ смыслѣ странъ околныхъ, въ которыхъ, будто бы, дозволялось воевать. Напротивъ того, по чтенію *Лер.* списка, „да воюеть на тѣхъ странахъ“ относится къ предыдущему сказуемому, какъ его ближайшее опредѣленіе, въ котромъ согласительное *да воюеть* поставлено вмѣсто неокончательнаго *воевати*, то-есть, „еликоже есть городовъ на той части, князь русскій да не имать волости да воюеть (=воевати) на тѣхъ странахъ“. Слѣдовательно, выраженія: *на той части* и *на тѣхъ странахъ* совершенно равнозначительны, то-есть, оба означаютъ страну Херсонскую, о которой вслѣдъ затѣмъ замѣчено еще, что „та страна не покоряется вамъ“. Но кому же *вамъ*? Если князю русскому, то почему *вамъ*, а не *ему*?... Если даже и предположимъ, что здѣсь уцѣлѣлъ въ русскомъ переводѣ вѣжливый оборотъ тогдашней византійской рѣчи, — то-есть, что мѣстоименіе, замѣняющее званіе владѣтельнаго лица, поставлено во множественномъ числѣ, вмѣсто единственнаго, — то все же здѣсь должно бы стоять личное мѣстоименіе не 2-го, а 3-го лица въ дат. п. множ. ч., то-есть, „непокоряется имъ“, а не *вамъ*. Между тѣмъ фраза: „та страна не покоряется вамъ“ совершенно одинаково читается во всѣхъ нашихъ спискахъ; въ ней, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать никакого искаженія. Если же она, посему, должна быть признана правильною, буквально вѣрною съ подлинникомъ, то подлинность предыдущей фразы подлежитъ сомнѣнію. Не возможно допустить, чтобы въ этой статьѣ подлинника выражено было сужденіе о князѣ русскомъ въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, какъ въ *Лер.* спискѣ „да не имать волости князь русскій да воюеть“, во первыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ въ слѣдующей затѣмъ фразѣ мѣсто-

именіе *самъ* никакъ не могло бы быть поставлено вмѣсто подлежащаго предыдущаго сужденія, и восторыхъ; потому, что выраженіе „князь русскій“, еслибъ оно стояло въ подлинникѣ, не могло бы въ спискахъ *Ип., Рдз.* и другихъ, съ ними сходныхъ, обратиться подъ перомъ переписчиковъ въ „князи руськыи (=рустии)“; по крайней мѣрѣ такая замѣна единственнаго числа множественнымъ менѣе вѣроятна, чѣмъ обратная, которая легко могла произойти вслѣдствіе недоразумѣнія позднѣйшаго компилятора, не знавшаго, что при Игорѣ, кромѣ его самого и младенца Святослава, были еще и другіе князья русскіе. Но и во множественномъ числѣ сужденіе о князьяхъ русскихъ могло быть выражено въ подлинникѣ не иначе, какъ во 2-мъ лицѣ; ибо личное мѣстоименіе 2-го лица множеств. числа *самъ*, стоящее въ слѣдующемъ сужденіи вмѣсто подлежащаго предыдущаго сужденія, ясно указываетъ, что это—подлежащее, а слѣдовательно, и сказуемое съ опредѣленіемъ долженствовало быть поставлены также во 2-мъ лицѣ множеств. числа, то-есть, что вся эта статья въ подлинникѣ долженствовала быть выражена въ формѣ воззванія или просьбы, обращенной вообще къ тѣмъ князьямъ русскимъ, которые прежде, до заключенія договора, вѣроятно, тревожили набѣгами область Херсонскую, и которыхъ, по-сему, этою статьею договора приглашаютъ впредь не воевать въ ней. Итакъ, соображая всѣ разнорѣчивыя чтенія этой статьи въ нашихъ спискахъ и слѣдуя тому общему правилу, что за первоначальное, подлинное чтеніе какого-либо мѣста, различно переданнаго въ разныхъ спискахъ, должно всегда признавать то чтеніе, изъ котораго происхожденіе всѣхъ прочихъ можетъ быть объяснено всего проще и естественнѣе, нельзя не прійти къ заключенію, что въ подлинномъ договорѣ послѣ заглавія: „О Корсуньстѣй странѣ“, общаго нѣсколькимъ слѣдующимъ затѣмъ статьямъ, эта первая изъ нихъ долженствовала быть изложена такъ: „Елико же есть городовъ на той части, да не имате волости, князи русьтти, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ“. Разумѣется, что эта статья должна была показаться непонятною, или не совсѣмъ ясною для позднѣйшихъ компиляторовъ, какъ потому, что въ ней, вслѣдствіе буквальнаго перевода ея съ греческаго, встрѣчаются слова и обороты, въ русскомъ языкѣ неупотребительныя, каковы: сослагат. наклоненіе „да воюете“ вмѣсто неокончательнаго *воевати*, слово *часть* въ значеніи *страна*, и множеств. число *на странахъ* въ значеніи единственнаго *въ странѣ*, такъ и потому въ особенности, что въ ней рѣчь идетъ о князьяхъ русскихъ, о которыхъ ничего не говорится въ самой лѣтописи, и кото-

рне потому и въ другихъ мѣстахъ договоровъ Олега и Игоря возбуждали недоумѣніе компиляторовъ, выражавшееся тѣмъ, что названія „князи“, „велиціи князи“, „князья“ въ большинствѣ списковъ или вовсе пропущены, или переименованы, и только въ спискахъ *Рдз.* и *Три.*, и частію въ *Ип.* уцѣлѣли, да и то впрочемъ не вездѣ. Посему, очевидно, что и здѣсь компиляторы, усомнившись въ правильности выраженія „князи русьти“, обратили его изъ звательн. падежа множеств. числа въ однихъ спискахъ въ именительный единств. числа, а въ другихъ въ именительный множеств. числа, оставшіяся однако же въ *Рдз.* спискѣ, какъ звательный, между точками, безъ всякаго смысла. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой передѣлки, при грамматической не правильности переводнаго языка и при ничтожной разности въ начертаніи между *имате* и *имать*, *воюете* и *воюеть*, должны были быть всѣ прочія передѣлки, искажающія эту статью въ нашихъ спискахъ.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, тѣсно связанной съ предыдущей, говорится уже объ одномъ только русскомъ князѣ, сосѣдѣ Херсонцевъ, которому послѣдніе, какъ - бы въ награду за соблюденіе мира съ ними, обѣщаютъ давать, въ случаѣ надобности, вспомогательное войско противъ его собственныхъ враговъ. Смыслъ здѣсь, хотя и сжато выраженный, ясенъ. Херсонцы говорятъ: „и тогда (то - есть, при соблюденіи вами, князья русскіе, предыдущаго условія), если когда попроситъ войска отъ насъ (Херсонскихъ Грековъ сосѣдъ нашъ) князь русскій для войны съ своими врагами, мы дадимъ ему сколько потребуется“. Касательно разнорѣчія списковъ нельзя не замѣтить, что здѣсь *Лер.* списокъ имѣетъ преимущество передъ прочими, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя передѣлки и искаженія. Такъ, 1) въ *Рдз.* спискѣ писецъ допустилъ явную ошибку: вообразивъ, что здѣсь также, какъ и выше, рѣчь идетъ о князьяхъ русскихъ, онъ, поставивъ, вмѣсто единственнаго, подлежащее во множественномъ числѣ — „князи русьти“ (*вар.* 8), а прочія относящіяся къ нему выраженія оставилъ въ единств. числѣ; 2) выраженіе „да воюеть“ (*вар.* 9 и 11) въ спискахъ *Ип.*, *Хл.*, *Рдз.*, *Три.* и *Тв.* очевидно переставлено, вѣроятно потому, что оно въ какомъ-то древнемъ изводѣ было случайно пропущено изъ текста и приписано на полѣ, а потомъ въ другомъ сборникѣ, снятомъ съ этого извода, было снова внесено въ текстъ, но только не на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло первоначально; 3) въ тѣхъ же спискахъ, „дамы“, 1-е лицо множ. ч. будущ. изъявит. накл. отъ глаг. *дати*, форма грамматически правильная, но едва-ли часть СЛХХ, отд. 2.

подлинная, ибо въ греческомъ текстѣ здѣсь, вѣроятно, стояло сослагат. или желат. склоненіе, которое переводчикъ, можетъ-быть, буквально передалъ 1-мъ лицомъ множеств. числа. будунц.-сослагат. склоненія *да дамъ* — формою, не существующею въ славянорусскомъ, но составленною по образцу 1-го лица множеств. числа будущаго изъявит. склоненія *дамъ* (= дамы = дадимъ). Иначе трудно объяснить появленіе не существующей формы *да дамъ* въ *Лер.* спискѣ и такой же *да дамъ* въ спискахъ *Сф.*, *Ср.*, и *Тв.* (*вар.* 10). Слѣдовательно, „дамы“ въ спискахъ *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.* и *Три.*, вѣроятно, позднѣйшая поправка, вмѣсто первоначальнаго *да дамъ*, въ значеніи *мы дали бы*, или *стали бы давать*.

Наконецъ, въ послѣдней изъ вышеприведенныхъ статей издатель „Полнаго собранія лѣтописей“, не давъ себѣ труда вникнуть въ чтеніе списковъ и принявъ поправку Тимковскаго, основанную на произвольномъ чтеніи печатнаго Кенигсбергскаго „Нестора“, написалъ: „да ихъ не пускаеть пакостить странѣ той“; а между тѣмъ, списки указываютъ на совершенно иное чтеніе: во первыхъ, во всѣхъ спискахъ (*вар.* 14) послѣ словъ „да ихъ не пускаеть“ (*сз Лер. описки*: *почаетъ*) стоитъ точка; во вторыхъ, въ спискахъ нѣтъ, да и не можетъ быть, позднѣйшей, нивѣйшей формы неокончат. склоненія *пакостить*, а во всѣхъ стоитъ „пакостять“, кромѣ *Лер.*, гдѣ описка „пакость“, и втретьихъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ „странѣ той“, а во всѣхъ читаемъ: „страпѣ (= сторонѣ = въ странѣ) его“. Отсюда ясно, что Греки, говоря въ этой статьѣ о Черныхъ Волгарахъ, приходящихъ воевать въ странѣ Херсонской, и предлагая князю русскому не пускать ихъ туда, мотивируютъ свое предложеніе указаніемъ на то, что враги эти, вторгаясь въ страну Херсонскую, вредятъ, пакостятъ на пути своемъ также и страпѣ князя русскаго, который, посему, въ видахъ собственной пользы, не долженъ пропускать ихъ черезъ свои владѣнія. Посему, согласно съ свидѣтельствомъ списковъ, подлинное чтеніе здѣсь должно было быть слѣдующее: „и велимъ князю русскому, да ихъ не пускаеть: пакостять и страпѣ его“.

Но странно, что объ этомъ русскомъ князѣ, сосѣдѣ Херсонцевъ, ничего, по видимому, не знаютъ византійскіе писатели; даже у Константина Багрянороднаго ни о немъ, ни о „страпѣ его“ нѣтъ и помину, хотя договоръ Игоревъ, заключенный въ его царствованіе и имъ самимъ подписанный, не могъ не быть извѣстенъ ему. Не скрывается ли у него этотъ „князь русскій“ подъ какимъ-либо другимъ названіемъ? Извѣстно, что Византійцы неохотно употребляли новыя

народныя имена, почитая ихъ варварскими и замѣняя, гдѣ только возможно, другими именами, встрѣчающимися у древнихъ писателей. Такъ, Левъ Діаконъ, назвавъ Русь въ первомъ мѣстѣ своего сочиненія (ed. Bonn., p. 63) *Тавроскиами* и прибавивъ поясненіе: „которыхъ на языкѣ народномъ называютъ *Росъ*“ (ὅς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ρῶς εἰσθεὶν ὀνομάζειν), затѣмъ уже видимо избѣгаетъ употреблять имя *Рῶς*, какъ принадлежащее языку простонародному, и почти повсюду замѣняетъ его попеременно именами *Тавроскиомъ*, *Скиомъ*, *Тавры*. Можетъ-быть, и у Константина Багрянороднаго этотъ „князь русскій“ (ὁ ἄρχων τῶν Ρῶς) названъ княземъ какого-нибудь другаго народа. У него (de adm. imp. ed. Bonn., p. 80) глава XI озаглавлена: „Пері τοῦ καΐστρου Χερσῶνος καὶ τοῦ καΐστρου Βοσπόρου“ (*О городѣ Херсонѣ и городѣ Боспорѣ*); но въ ней, вопреки заглавію, даже имя города Боспора ни разу не упоминается, а напротивъ рѣчь идетъ о какомъ-то князѣ или собственно *властодержцѣ* (ὁ ἐξουσιοκράτωρ) Аланіи, объ отношеніяхъ котораго къ Херсонской области и къ Хазарамъ говорится такъ:

„Когда властодержецъ Аланіи съ Хазарами не въ мирѣ, а предпочитаетъ дружбу императора Ромеевъ (Грековъ), то Хазарамъ—если они не захотятъ также пребывать съ императоромъ въ дружбѣ и мирѣ—онъ можетъ надѣлать весьма много зла, залегая имъ пути и нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ ихъ въ Саркель, или въ *клематы* (τὰ κλήματα—*окруи*), или въ Херсонъ. И если только этотъ князь озаботится преградить имъ путь (ut illis aditum prohibeat, срави. въ договорѣ Игоря: „да ихъ не пускаетъ“), то глубокой, по истинѣ, миръ водворится въ Херсонѣ и въ клематахъ; ибо Хазары, страшась нападенія Аланъ, и не имѣя возможности ни вторгаться съ войскомъ въ Херсонъ и въ клематы, ни воевать одновременно съ тѣми и другими (съ Аланами и Херсонцами), должны будутъ по неволѣ пребывать въ мирѣ“.

Кто этотъ „властодержецъ Аланіи“? По всей вѣроятности, владѣтель Боспора, если о немъ говорится тамъ, гдѣ, судя по заглавію, рѣчь должна бы быть о городѣ Боспорѣ, и если онъ, какъ видно, ближайшій сосѣдъ Херсонцамъ и Хазарамъ и опасный врагъ, особенно послѣднимъ. О его отношеніяхъ къ Хазарамъ тотъ же авторъ говоритъ и въ предыдущей, 10-й главѣ своего сочиненія, а именно: „Узы могутъ воевать Хазарь, какъ ихъ сосѣди, а также и властитель Алановъ, потому что девять хазарскихъ клематовъ граничатъ съ Аланіей, и Алане могутъ, когда только захотятъ, грабить ихъ и

тѣмъ причинять Хазарамъ огромный вредъ и убытки; ибо изъ этихъ девяти клематовъ Хазары получаютъ и съѣстные припасы и всѣ прочія жизненные потребности“.

Если ими *клематы* (τὰ κλήματα) у византійскихъ писателей встрѣчается только какъ техническое названіе небольшихъ округовъ между горами и моремъ на Крымскомъ полуостровѣ, то тамъ же, надо полагать, лежали и девять хазарскихъ клематовъ Константина Багрянороднаго, то-есть, въ принадлежавшей Хазарамъ сѣверо-восточной части полуострова, на берегахъ Азовскаго моря. Посему и упоминаемая здѣсь Аланія никакъ не можетъ быть Кавказская Аланія, а должна быть страна, лежащая также на Крымскомъ полуостровѣ, между хазарскими клематами и Херсонскою областью, вѣроятно, въ юго-восточной части ея, при Кяммерійскомъ проливѣ, — значить, тамъ же, гдѣ, по указанію Игорева договора, приходится страна „князя русскаго“. Самые отношенія властителя этой Аланіи къ Хазарамъ и Херсонцамъ совершенно тѣ же, какъ и „князя русскаго“ въ договорѣ Игоря, и даже выражены почти тѣми же словами; а изъ того, что онъ можетъ, *когда только захочетъ*, грабить хазарскіе клематы и повсюду подстерегать и тревожить Хазаръ, даже на пути ихъ въ Саркель, слѣдуетъ заключить, что онъ имѣетъ корабли и господствуетъ на морѣ, ибо иначе такіа дѣйствія едва-ли были бы возможны для него. По всѣмъ признакамъ, даже и по самому титулу надо полагать, что этотъ *властодержецъ* Аланіи — одно лицо съ „княземъ русскимъ“ Игорева договора, ибо и этотъ князь не самостоятельный, а князь подручникъ, вассалъ, также можетъ быть названъ властодержцемъ, то-есть, держащимъ власть великаго князя Кіевскаго. Но почему его владѣніе *Аланія*—сказать трудно. Едва-ли можно полагать, что Кавказскіе Алане въ первой половинѣ X вѣка состояли уже въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Черноморской Руси; вѣроятноже, что нѣкоторая часть Аланъ (по послѣдующимъ извѣстіямъ, Алане дѣйствительно упоминаются въ числѣ обитателей Тавриды) была уже въ то время поселена во владѣніяхъ „князя русскаго“, котораго Константинъ потому и называетъ властодержцемъ Аланіи Таврической; о Кавказской же Аланіи у него здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Изъ другаго сочиненія того же вѣнценоснаго автора (de cerim. ed. Bonn., p. 688) мы узнаемъ еще, что къ этому *властодержцу Аланіи* (εἰς τὸν ἐξουσιοκράτορα Ἀλανίας) императоры посылали грамоты съ золотою печатью въ два солида (bullae aureae bisoldia) и называли его *своимъ духовнымъ сыномъ*. Слѣдовательно, онъ былъ христіанинъ, и это уже

въ первой половинѣ, или даже въ началѣ X вѣка, ибо въ такъ-называемомъ „Уставѣ Льва Премудраго“ († 912 г.), или въ спискѣ епархій, подвластныхъ патриарху Константинопольскому, Аланская епархія показана 62-ю, послѣ Русской. Но эта Аланская епархія, кажется, обнимала только Кавказскую Аланію, гдѣ христіанство введено было въ VI вѣкѣ, и вѣроятно, что владѣтель этой Аланіи назывался духовнымъ сыномъ императоровъ. Не спутался ли, можетъ-быть, Константинъ въ своихъ источникахъ, приписавъ христіанскому властодержцу Кавказской Аланіи тѣ дѣйствія, которыя возможны только для князя русскаго, господствовавшаго въ Боспорѣ и Тмутаракани? Вообще, нельзя не замѣтить, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, весьма важныя и драгоценныя для русской исторіи, но не чуждыя запутанности, нуждаются въ строгой критической оцѣнкѣ; безъ повѣрки съ другими источниками на нихъ не всегда можно полагаться. Но въ томъ нельзя, кажется, сомнѣваться, что у него подъ названіемъ Аланіи почему-то сокрыта Русь Черноморская.

Другіе византійскіе писатели также не могли, кажется, не знать о существованіи этой Руси, сосѣдней съ Херсонскою областью. По крайней мѣрѣ, она несомнѣнно была извѣстна Льву Діакону; самое имя *Тавроскиевъ*, которымъ онъ первый почтилъ Руссовъ Святослава, уже доказываетъ, что онъ считалъ ихъ обитателями страны древнихъ Тавровъ и Тавроскиевовъ; а страну эту, какъ исконную родину Руссовъ, онъ указываетъ именно при Киммерійскомъ Боспорѣ. Такъ, у него (Leo Diac. ed. Волл., р. 106) Цимисхій посылаетъ напомнить Святославу о поражении отца его Игоря, который, поправъ договоры, устремился на Царьградъ съ несмѣтными силами, но самъ едва спасся бѣгствомъ, „и только съ какими-нибудь десятью кораблишками возвратился съ *Боспоръ Киммерійскій*“; а въ другомъ мѣстѣ, говоря о приготовленіяхъ Цимисхія къ осадѣ Доростола, онъ замѣчаетъ (тамъ же, стр. 129), что греческій огненосный флотъ вступилъ въ Дунай для того, „чтобы Скивамъ (то-есть, Святославу и его Руси), если они обратятся въ бѣгство, отрѣзать обратный путь на родину (ἐκ τῆν σφῶν πατρίδα), съ *Боспоръ Киммерійскій*“.

Итакъ, разсмотрѣнныя нами статьи Игорева договора указываютъ на историческій фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, и притомъ, чрезвычайно важный, хотя и не замѣченный никѣмъ доселѣ; а именно, что *то русское княжество*, которое, подъ названіемъ Тмутараканскаго, впервые упоминается въ нашей лѣтописи только при Владимірѣ Великомъ подъ 988 г., и котораго основаніе

обыкновенно, впрочемъ только по догадѣ, приписываютъ Святославу, существовало уже въ первой половинѣ X вѣка подъ управленіемъ вассала великаго князя кievскаго Игоря, и уже тогда, какъ видно, служило сборнымъ пунктомъ, откуда русскіе князья, упоминаемые въ договорѣ, тревожили область Херсонскую, и откуда выходили, безъ сомнѣнія, и тѣ полчища Руссовъ, которыя, по извѣстіямъ восточныхъ писателей, опустошали Прикаспійскія страны.

Когда же и еѣмъ положено было начало русскому господству на берегахъ Востора Киммерійскаго — въ странѣ, издавна, уже съ VII вѣка, принадлежавшей Хазарамъ? Можно ли полагать, что эти берега были завоеваны самимъ Игоремъ? Ни характеръ Игоря, ни положеніе Русской земли въ его время не допускаютъ такой гипотезы. Игорь, сколько можно судить о немъ по скуднымъ извѣстіямъ нашей лѣтописи, былъ князь слабый, невоинственный, вовсе непохожій на Олега, привыкшій съ малолѣтства къ жизни спокойной и праздной. При самомъ вступленіи на престолъ, ему пришлось бороться съ возстаніемъ многихъ племенъ славянскихъ, отпавшихъ отъ Руси по смерти Олега, и почти въ то же время, когда онъ только что смирилъ Древлянъ, а воевода его Свенгелдъ—Угличей, съ востока нахлынули несмѣтныя орды Печенѣговъ и заняли своими кочевьями все сѣверное Черноморье отъ Дона до устьевъ Дуная. Всѣ завоеванія Олега на юго-западѣ были, такимъ образомъ, утрачены, и Русская земля, отброшенная отъ береговъ Чернаго моря, осталась на сѣверѣ, далеко за Днѣпровскими порогами; даже и самый путь къ морю изъ Кіева по Днѣпру, сквозь печенѣжскія кочевья, сдѣлался чрезвычайно труднымъ и опаснымъ. Ко всему этому, при слабомъ князѣ, какъ обыкновенно бываетъ, обнаружались раздоры и интриги партій: предоставленіе Свенгелду права на древлянскую дань вызвало ропотъ дружины: „се даль еси единому мужу много“, говорила она князю. Игорь не могъ ей противиться, онъ уступилъ, и какъ вѣроятно, отмѣнивъ свое распоряженіе, отнялъ отъ Свенгелда данное ему право (ибо въ концѣ своего княженія онъ уже самъ собиралъ древлянскую дань для себя и для своей дружины). Понятно, что такой поступокъ долженъ былъ сильно оскорбить гордаго воеводу, который послѣ этого не могъ уже оставаться на службѣ у безхарактернаго князя, и безъ сомнѣнія, покинулъ Русскую землю.

При такихъ обстоятельствахъ, въ столь неблагоприятномъ положеніи, Игорю не возможно было даже и помыслить о какихъ-либо новыхъ, дальнихъ завоеваніяхъ, особенно же о завоеваніи Тмутара-

кани — пункта, для него совершенно бесполезнаго. Но, можетъ-быть, самъ Свенгелдъ, ставъ во главѣ товарищей, подобно ему недовольныхъ слабостію и празднолюбіемъ Игоря, кликнулъ охотниковъ, составилъ дружину, и снарядивъ корабли, смѣлымъ, внезапнымъ набѣгомъ овладѣлъ Тмутараканью? Это вполнѣ въ духѣ Норманновъ, которые совершали и не такіе подвиги. Удержаться же въ захваченномъ пунктѣ и сдѣлать его притономъ для многочисленной, крѣпко и правильно организованной шайки пиратовъ было уже не трудно, ибо въ охотникахъ стать подъ знамя храбраго вождя, прославившагося своими подвигами, смѣлостію и удачею въ морскихъ разбояхъ, конечно, не было недостатка: ихъ могли доставить и хазарскіе данники Черные Болгаре, и сосѣднія воинственные племена Кавказа, и обитавшіе въ восточной части Тавриды Готы-Тетрациты, потомки знаменитыхъ Готовъ Черноморскихъ, древнихъ родичей норманской Руси, наконецъ, въ изобиліи могли доставить ихъ и Русская земля, и самая Скандинавія. Даже и сами князья русскіе, подручники Игоря, могли быть дѣятельными союзниками и сподвижниками Свенгелда; ибо въ то время, когда глава Руси безопасно дремалъ на Кіевскомъ престолѣ, князья, сидѣвшіе подъ рукою его въ другихъ городахъ, конечно, сидѣли не сложа руки: вся жизнь ихъ проходила въ непрерывныхъ походахъ, въ постоянной, неутомимой дѣятельности. Осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ говоритъ Константинъ Багрянородный (de adm. imp. ed. Bonn., p. 74—79), они съ своими дружинами покидали Кіевъ и отправлялись каждый въ свою волость, *съ полюдье*, то-есть, для сбора дани, для зимнихъ промысловъ и разныхъ хозяйственныхъ распоряженій; весной же, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, съ собранною данью, съ добычей и плѣнниками, спѣшили опять отвсюду въ Кіевъ, куда, къ тому же времени, Дреговичи, Кривичи и другіе подвластные Руси Славяне сплавали на продажу выдолбленные ими днища или остовы для морскихъ судовъ, и куда стекались также и всѣ, привыкшіе мечемъ добывать золото, — всѣ тѣ, кому тѣсно и душно было въ Русской землѣ, или кому дома въ мирное время дѣлать было нечего, — всѣ эти искатели войны и добычи примыкали въ Кіевъ къ воинскимъ дружинамъ. Потомъ, когда сооруженіе морскихъ судовъ было окончено, и когда весь торговый караванъ былъ собранъ и снаряженъ въ путь, князья сопровождали его съ своими дружинами черезъ печенѣжскія кочевья по Днѣпру на Черное море, до мѣста, безопаснаго отъ хищниковъ — вѣроятно, до устья Дуная; откуда, направивъ свои купеческія суда вдоль бере-

говъ Оракія въ Царьградъ, сами съ дружинами или уѣзжали назадъ къ устьямъ Днѣпра, гдѣ, ожидая возвращенія купцевъ, гостили у Херсонцевъ на ихъ рыбныхъ промыслахъ, или же отправлялись прямо въ гости къ Тмутараканскому князю и вмѣстѣ съ нимъ громилы прибрежныя хазарскія владѣнія по Азовскому морю и Дону, не упуская притомъ случая похозяйничать на перепутьи и въ Херсонской области. Къ осени же они опять собирались къ устьямъ Дуная, чтобы конвоировать свои торговныя суда съ сокровищами Греціи въ Кіевъ.

Такъ при Игорѣ могло быть основано Свенгелдомъ Тмутараканское княжество. Но то, что только *могло быть*, а не *извѣстно было* — не принадлежитъ къ исторіи, если не имѣетъ сопрокосновенія съ тѣмъ, что дѣйствительно было и что достоверно извѣстно, ибо о неизвѣстномъ можно съ большею или меньшею вѣроятностію заключить только по его отношенію къ даннымъ извѣстнымъ. Но Свенгелда, какъ восводу Игоря, знаетъ одна только наша лѣтопись, и изъ разсмотрѣнія ея извѣстій о княженіи Игоря можно съ вѣроятностію заключить только, что съ 920-хъ годовъ до осени 944 года Свенгелда не было въ Русской землѣ, и что онъ, при той кипучей, юной жизни, какаю тогда, по описанію Константина Багрянороднаго, проявлялась въ Руси, имѣлъ полную возможность и средства, независимо отъ Игоря, завоевать отъ Хазаръ Тмутаракань и утвердиться тамъ. Между тѣмъ, ни въ византійскихъ, ни въ восточныхъ извѣстіяхъ не только ничего не говорится о Свенгелдѣ и его завоеваніяхъ, но нѣтъ даже и намека на какія-либо враждебныя отношенія между Русью и Хазарами при Игорѣ, послѣ 920 года. Напротивъ того, восточные писатели, и притомъ современники Игоря, упоминаютъ о мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ въ то время между этими народами. Такъ, Ибнъ-Фодланъ, посланный отъ калифа Багдадскаго къ царю Волжскихъ Болгаръ въ 922 году и посѣтившій также и Хазарію, сообщалъ въ описаніи своего путешествія много любопытнаго о Болгарахъ, Хазарахъ и Руссахъ, между прочимъ, говорить, что онъ самъ видѣлъ русскихъ купцовъ, когда они пріѣхали и расположились съ своими товарами на берегу Волги; а другой Арабъ, Масуди, писавшій свои „Золотые Луга“ лѣтъ 20 послѣ Ибнъ-Фодлана, также говорить, что русскіе купцы имѣютъ торговныя сношенія съ Болгарами (не Волжскими, а съ Черными Болгарами), что они мирно проживаютъ въ столицѣ Хазаріи, и что многіе изъ Руссовъ даже служатъ въ войскѣ и при дворѣ царя хазарскаго. Ясно, стало быть, что время было мирное, что войны между Русью и Хазарами въ кня-

женіе Игоря не было, -- по крайней мѣрѣ, войны значительной предполагать не возможно.

И такъ, въ виду этихъ показаній современниковъ, догадка наша объ основаніи Тмутараканскаго княжества Свенгелдомъ или вообще Русью въ княженіе Игоря, оказывается несостоятельною; а потому и начало этого княжества необходимо отнести къ временамъ предшествовавшимъ, то-есть, прійдется допустить, что хазарскія владѣнія при Киммерійскомъ проливѣ были завоеваны уже Олегомъ, и вмѣстѣ съ прочими его завоеваніями, достались въ послѣдіе Игорю. Но вотъ обстоятельство, которое долго заставляло насъ отворачиваться отъ этого предположенія и, не смотря на совершенное отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ, относить начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ не Олега, а Игоря. Масуди, въ своемъ разказѣ объ извѣстномъ походѣ Руссовъ, въ 913—914 гг. черезъ Хазарію изъ Чернаго моря въ Каспійское, западные берега котораго они тогда страшно опустошили, указываетъ на Киммерійскій проливъ, какъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ (въ Тмутаракани, какъ полагаютъ) сильный хазарскій гарнизонъ, и гдѣ русскій флотъ, состоявшій изъ 500 судовъ, изъ коихъ на каждомъ было 100 человѣкъ экипажа, долженъ былъ остановиться и ждать позволенія царя хазарскаго, чтобы продолжать свой путь черезъ его владѣнія. Правда, мѣсто это, нѣсколько разъ упоминаемое въ началѣ разказа, не названо именно Киммерійскимъ проливомъ, а вездѣ въ переводахъ называется только *рукавъ, проливъ*, *Агм, сапал, браг* ¹⁾; но оріенталисты въ своихъ комментаріяхъ утверждаютъ, что это именно Боспоръ Киммерійскій. А если такъ, если берега этого пролива въ 914 году дѣйствительно принадлежали еще Хазарамъ, а въ 944 году составляли уже владѣніе „князя русскаго“, упоминаемаго въ договорѣ Игоря, то приходится по неволѣ допустить, что хазарское владѣтельство на этихъ берегахъ смѣнилось русскимъ въ княженіе Игоря, между 914 и 944 годами; а въ такомъ случаѣ и наша догадка объ основаніи Тмутараканскаго княжества Свенгелдомъ оказывается вполне вѣроятною историческою гипотезой, если только вѣрны основанія: но въ этомъ-то и вся суть. Что упоминаемая въ договорѣ Игоря страна русскаго

¹⁾ Сказанія мусульм. писат. о Славянахъ и Русскихъ . А. Я. Гаркави, стр. 131. Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, ч. V, статья В. В. Григорьева: *О древн. походахъ Руссовъ на востокъ*, стр. 235. Fruehn, Ibn. Foszl., стр. 174. Bulet. hist.-phil. de l'Acad. de S.-Petersb. IV, статья А. А. Куника, стр. 191—192. Maçoudi, Les Prairies d'or, ed. Barbier de Meynard. Paris, II, p. 18.

князя должна была лежать между Херсонскою областію и землею Черныхъ Болгарь, то-есть, на берегахъ Киммерійскаго пролива,—это не можетъ подлежать сомнѣнію; но нельзя не усомниться въ показаніи, будто берега эти въ 914 году принадлежали еще Хазарамъ. Нельзя не спросить, вѣрно ли переведено это мѣсто разказа Масуди, вѣренъ ли самый текстъ его въ разныхъ позднѣйшихъ спискахъ? Не перетолковано ли это показаніе переписчиками, или, можетъ - быть, переводчиками? Подъ влияніемъ убѣжденія, что земли при Киммерійскомъ проливѣ, несомнѣнно принадлежавшія Хазарамъ еще въ IX вѣкѣ, должны были принадлежать имъ же и въ 914 году, ориенталисты легко могли найти у Масуди то, о чемъ онъ, можетъ - быть, и не думалъ.

Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, рассмотримъ, могъ ли Масуди, согласно съ выраженными въ его сочиненіи географическими понятіями, разумѣть въ своемъ повѣствованіи о русской морской экспедиціи Киммерійскій проливъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Руссы встрѣтили сильный хазарскій гарнизонъ, и гдѣ, слѣдовательно, начались Хазарскія владѣнія. Вонервыхъ, моря Азовское и Черное Масуди считаетъ за одно море, которое только сжато въ одномъ мѣстѣ континентомъ и какъ-бы раздѣлено на двѣ части—широкую и узкую, соединенныя между собою проливомъ. Затѣмъ, онъ объясняетъ, что хотя и принято называть эти двѣ части особыми именами—одну (будто бы широкую и глубокую) *Маіотисъ*, а другую (узкую) *Нитасъ*, однако, онъ въ своемъ сочиненіи употребляетъ эти имена, какъ тождественныя названія одного моря, разумѣя какъ подъ *Маіотисъ*, такъ и подъ *Нитасъ* всегда и широкую, и узкую части его вмѣстѣ, то-есть, считая моря Азовское и Черное не за два моря, а за одно только море; онъ и называетъ это море всегда однимъ которымъ-либо именемъ—или *Маіотисъ* или *Нитасъ*, и разумѣетъ подъ тѣмъ и другимъ именемъ всегда оба моря, какъ Азовское, такъ и Черное вмѣстѣ¹⁾. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „Хазарская рѣка (Волга) однимъ рукавомъ, вытекающимъ изъ верхней части ея, впадаетъ въ одинъ изъ заливовъ моря *Нитасъ* (то-есть, Чернаго съ

¹⁾ Prairies d'or, I, 273: «Si dans l'usage on a appelé *Mayotis* la portion la plus large (*sic!*) de cette mer, celle où l'eau est la plus abondante, et *Nitas* la partie resserrée et peu profonde, il n'en est pas moins certain que chacune de ces dénominations les désigne toutes deux, et si dans certains passages de ce livre nous disons *Mayotis* ou *Nitas*, nous entendrons toujours par là aussi bien la portion large de cette mer, que celle qui est étroite».

Азовскимъ), которое есть *Русское море*, ибо на немъ плаваютъ только Руссы, да и живутъ они на одномъ изъ его береговъ“¹⁾). Если же моря Азовское и Черное, а слѣдовательно, и проливъ, ихъ соединяющій,—одно Русское море, то спрашивается, какое же право имѣли Хазары препятствовать Руссамъ, господамъ, плавать по своему собственному морю? Да и какъ могли они своими караулами, конными или пѣшими, поставленными, положимъ, на обоихъ берегахъ, остановить сильный русскій флотъ въ этомъ довольно широкомъ проливѣ, когда тотъ же Масуди (Сказ. мус. пис., 133) говоритъ, что „царь хазарскій не имѣетъ судовъ, и подданные его не привычны къ морю?“ Или эти 50 тысячъ Руссовъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, были такъ любезны, что на окликъ хазарскихъ караульныхъ или на поданный ими сигналъ сами тотчасъ причалили къ берегу, имѣя полную возможность и законное право безирепятственно пройти по проливу изъ одной части своего моря въ другую?... Что не Киммерійскій проливъ разумѣлъ Масуди подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ остановились русскіи суда,—это ясно уже изъ первыхъ словъ его разказа: „Они встрѣтили тамъ“, говоритъ онъ (по переводу В. В. Григорьева), „сильный гарнизонъ царя хазарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который могъ бы прійти какъ съ того моря (Шитасъ), такъ и изъ страны, лежащей за рукавомъ рѣки Хазарской; ибо въ эту страну приходятъ для зимовки кочующіе орды Турокъ-Гузовъ, а какъ вода, текущая изъ рѣки Хазарской въ заливъ Нитаса, часто замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ чрезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но не ломается подъ ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ землю Хазаровъ“. Но какіе же Турки-Гузы и откуда приходили зимовать къ Киммерійскому проливу, и съ котораго на который берегъ переходили они по льду черезъ этотъ проливъ въ хазарскія владѣнія? Вѣдь Гузы, или Узы (“*Узот*”, *Uzi*) Константина Багрянороднаго, были, какъ извѣстно, сѣверные сосѣди Хазаръ, кочевавшіе за Волгой и между Волгой и Дономъ. Посему, говоря, что они вторгаются въ Хазарію по льду черезъ большую рѣку, которая крѣпко замерзаетъ, Масуди, конечно, разумѣлъ или Волгу, или мнимый рукавъ ея — Донъ, который онъ мысленно соединялъ съ Волгой, по всей вѣроятности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ дѣйствительности отъ крѣпости Саркела на Дону, въ прямомъ направленіи на востокъ къ ближайшему пункту на Волгѣ, на разстояніи 60-ти верстъ, проведенны

¹⁾ *Prairies d'or*, II, p. 15. «Сказ. мусульм. писат.», стр. 130.

были Хазарами, какъ полагать должно, рвы и валы для защиты этой сѣверной границы отъ вторженій кочевниковъ. Слѣдовательно, здѣсь, именно въ Саркелѣ, долженъ былъ стоять и „сильный гарнизонъ царя Хазарскаго“, упоминаемый въ разказѣ, и только здѣсь, какъ догадывался и Савельевъ (Мугамм. Нумизматика, стр. LXIII), остановился и русскій флотъ, котораго Хазары, не имѣя кораблей, не могли остановить ни въ Киммерійскомъ проливѣ, ни на Азовскомъ морѣ. Даже и по всему нижнему теченію Дона, широкаго въ весенніе разливы, Руссы могли плыть безирепатственно, но у Саркела они должны были остановиться и вступить въ переговоры съ царемъ хазарскимъ, потому что отсюда имъ предстояло перебираться съ своими судами съ Дона на Волгу, черезъ перевалъ сухимъ путемъ, чего нельзя было сдѣлать безъ позволенія царя.

Стало бытъ, разказъ свой о походѣ Руссовъ на Прикаспійскія страны Масуди начинаеть съ прибытія ихъ флота не къ устью Киммерійскаго пролива, какъ полагаютъ ориенталисты, а къ устью своего воображаемаго *рукава* рѣки Хазарской, то-есть, къ тому мѣсту, гдѣ участники похода (вѣроятно, у Саркела) должны были выйдти изъ судовъ и вступить на хазарскую территорію. О Киммерійскомъ проливѣ онъ здѣсь вовсе не упоминаеть, а потому не говоритъ также — кому во время похода принадлежали земли на берегахъ его. Но еслибъ онъ считалъ ихъ хазарскими, а слѣдовательно, и самый проливъ какъ-бы вратами въ Хазарію, то не могъ бы, кажется, въ своемъ разказѣ не вспомнить объ этомъ пунктѣ, не могъ бы не объяснить, какъ русскій флотъ изъ Чернаго моря прошелъ въ эти ворота, въ виду Хазаръ, владѣвшихъ побережьями, и главное—не могъ бы назвать Азовское море, какъ лежащее внутри хазарскихъ владѣній, правдѣльною частію Русскаго моря, а назвалъ бы его, вѣроятно, моремъ или даже озеромъ Хазарскимъ, такъ какъ онъ обыкновенно называетъ моря по именамъ народовъ, господствующихъ на ихъ побережьяхъ; между тѣмъ, въ концѣ своего разказа онъ положительно утверждаетъ, что соединенное море Маіотисъ и Нитасъ не Хазарское, а море Болгаръ и Руссовъ. Значитъ, по его понятію, никакихъ хазарскихъ владѣній во время похода не было на берегахъ этого моря. На какомъ именно берегу его жили извѣстные ему Руссы—онъ также прямо не указываетъ; но если онъ свѣдѣнія свои объ этомъ народѣ излагаетъ въ общей связи съ повѣствованіемъ о Хазарахъ, Болгарахъ и другихъ народахъ Кавказскаго перешейка, вращаясь, такъ сказать, мысленно только между Кавказомъ и нижнею Волгою, съ

нимымъ рукавомъ ея Дономъ, и между морями Каспійскимъ и Азовскимъ, или Хазарскимъ и Русскимъ, то нельзя не заключить, что онъ и Руссовъ причисляетъ къ обитателямъ той же полосы земель къ сѣверу отъ Кавказа и помѣщаетъ ихъ рядомъ съ Болгарами, на восточномъ берегу Русскаго моря, или моря Болгаръ и Руссовъ, то-есть, въ той самой мѣстности, при Киммерійскомъ проливѣ, гдѣ въ его время, именно въ 944 году, какъ мы достовѣрно знаемъ изъ договора Игорева, дѣйствительно господствовалъ какой-то „князь русскій“, владѣнія котораго лежали между Херсонскою областію и Черною Волгаріей ¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ полное право отнести начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906 г.), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранить глубокое молчаніе, потому конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было. Если Олегъ, по выступленіи изъ Новгорода, въ какіе-нибудь три-четыре года, взявъ Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, подчинилъ себѣ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, и если онъ уже въ 884 году воевалъ съ Ульцами и Тивьрцами на берегахъ Чернаго моря, то возможно ли, чтобъ онъ вдругъ, не кончивъ даже начатой войны, вложилъ въ ножны свой мечъ, и затѣмъ, слишкомъ 20 лѣтъ провелъ въ бездѣйствіи!... Мы знаемъ, что этого не было. Знаемъ достовѣрно, что Угличи, Ульцы и Тивьрцы первые были покорены Олегомъ, и можемъ признать вѣроятнымъ, что Хорваты и Дулѣбы также подпали его власти ²⁾. Но покореніе племенъ славянскихъ слу-

¹⁾ Эдризъ, писавшій въ XII вѣкѣ, въ то время, когда на сѣверныхъ берегахъ Понта Евксинскаго господствовали Половцы, упоминаетъ однако—слѣдуя, конечно, показанію своихъ предшественниковъ, или Византійцевъ,—о странахъ *русской* и *болгарской* (*Bergian*) и помѣщаетъ ихъ именно на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ слѣдующемъ описаніи Понта въ своей географіи (цитата взята изъ «Отрывковъ» г. Гедеонова): «*Hoc mare Pontus procurrrens in partem orientalem...; et illic terminantur extremitates hujus maris, eo in loco, ubi sunt Chozaraei. Inde vertitur litus ejus ad Metrechan (Tamatarcha, Тмутаракань), iungiturque regionibus Russiæ, et regionibus Bergian, et ostio fluminis Daïabres (не Довъ ли, то-есть, Тапabis?), extenditurque ad ostium fluminis Danubii, donec perveniat ad angustum os maris Constantinopolitani (Geogr. Nubiens. 5).*»

²⁾ Соображенія о томъ, какія изъ племенъ славянскихъ должны были быть покорены Олегомъ, и какъ далеко простирались его владѣнія, предложены выше, въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія. Тамъ, между прочимъ, разсмотрѣна и статья Олегова договора 911 года, которую Русскіе принимаютъ на себя обя-

жило ему только средствомъ къ достиженію главной цѣли—господства на Черномъ морѣ. Открывъ свободный путь къ морю покореніемъ Угличей—восточной вѣтви Ульцевъ, сидѣвшей у Днѣпровскихъ пороговъ, и ставъ твердою ногою на устьяхъ Днѣпра, Олегъ могъ безпрепятственно развѣзжать уже по *своему Русскому морю* и вооруженною рукою, по праву сильнаго, взимать обильную дань съ его богатыхъ побережій. А изъ всѣхъ земель, прилежащихъ къ этому морю, Таврида, какъ ближайшая къ Днѣпровскимъ устьямъ, со многими цвѣтущими торговлею городами, разумѣется, первая должна была привлечь его вниманіе. Къ тому же съ обитателями ея—Херсонскими Греками, онъ еще во время войны съ Ульцами и Тивѣрцами долженъ былъ встрѣтиться въ самыхъ устьяхъ Днѣпра, на ихъ рыбныхъ промыслахъ, о которыхъ упоминается въ договорѣ Игоря (Др. 22); да и древніе соплеменники скандинавской Руси, Готы—Тетракситы, обитавшіе на юго-восточныхъ берегахъ Тавриды подъ владычествомъ частію Хазаръ, частію Херсонцевъ, и вѣроятно, состоявшіе въ дружескихъ сношеніяхъ съ Русью уже при Асколдѣ и Дирѣ, также не могли не быть извѣстны Олегу. Посему естественно предположить, что онъ не замедлилъ освободить ихъ отъ власти иноплемениковъ и утвердить свое собственное господство въ тамошнихъ странахъ. Наконецъ, и стратегическія соображенія, въ которыхъ не возможно отказать умному, хитрому и воинственному Олегу, должны были указать ему на островъ Тамань въ Киммерійскомъ проливѣ, какъ на вполне безопасный, самую природою укрѣпленный пунктъ,

занность помогать греческимъ торговымъ судамъ, потерпѣвшимъ отъ бури, выброшеннымъ на берегъ или затертымъ въ отмеляхъ; они говорятъ въ ней (Др. стр. 15): «аще ли таковая лодья, ли отъ бури или бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, съпотружаемъя гребцемъ тоя лодьямы Русь, и да проводимъ съ куплюю ихъ поядорову, ти аще ключится близъ земли Грецькы; аще ли ключится тако же проказа лодьи близъ земли Русьтѣй да проводимъ ю въ Русскую землю», и т. д.

Конечно, эта *Русская земля*, близъ которой греческое торговое судно могло пострадать отъ бури, и въ которую Русскіе обязываются пропечь такое судно—лежала не за Днѣпровскими порогами, а на берегу Чернаго моря. Какой же берегъ этого моря въ 911 году назывался Русскою землею? Если въ 914 году, какъ видно изъ показаній Масуди, Русскіе господствовали уже на берегахъ Киммерійскаго пролива, то конечно, эти берега были Русскою землею и въ 911 году, и раньше; но еще раньше русское господство должно было утвердиться на сѣверномъ берегу Русскаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, гдѣ Олегъ уже въ 884 году воевалъ съ Ульцами и Тивѣрцами, и безъ всякаго сомнѣнія, покорилъ ихъ еще въ исходѣ IX вѣка.

обладаніе которымъ не только дѣлало его полновластнымъ владыкою морей Чернаго и Азовскаго, повелителемъ грознаго морскаго государства въ смыслѣ Скандинавовъ, но и упрочивало безопасность его континентальныхъ владѣній со стороны Хазарской державы. Если Хазары, которые на сушѣ, конечно, были сильнѣе Руси, оставили во власти Олега внезапно захваченные имъ Кіевъ и земли Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей, и даже не пытались, какъ видно, воротить ихъ въ послѣдствіи, то это, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать тому, что Олегъ успѣшилъ перенести борьбу съ ними на другой театръ — на море, гдѣ перевѣсъ былъ уже на его сторонѣ, то-есть, что онъ занялъ крѣпкую позицію на островѣ Таманѣ и отсюда по Азовскому морю и Дону, опустошая на пути всё земли вправо и влево, вторгнулся въ самое сердце Хазарин, и угрожая кагану въ собственной его столицѣ, начерталъ ему условія мира, подобныя тѣмъ, какія вскорѣ потомъ побѣдоносный мечъ его зарубилъ Грекамъ подъ стѣнами Царьграда.

Предположеніе, что уже Олегъ положилъ основаніе русскому господству въ Тмутаракани, въ исходѣ IX или въ первыхъ годахъ X вѣка, и тѣмъ принудилъ кагана Хазарскаго заключить миръ, выгодный для Руси, не только не представляетъ ничего не вѣроятнаго или противорѣчащаго существующимъ историческимъ свидѣтельствамъ, но напротивъ, вполне согласно какъ съ извѣстнымъ воинственнымъ характеромъ Олега и его Руси, такъ и съ показаніями византійскихъ и восточныхъ писателей о Черноморской Руси, о Русскомъ морѣ, о раннихъ торговыхъ сношеніяхъ Руси съ востокомъ, о походахъ ея черезъ Хазарію на Каспійскія побережья, и проч., которыя оно объясняетъ и подтверждаетъ. А такъ какъ этотъ предполагаемый фактъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ въ неразрывной связи съ показаніемъ Игорева договора о существованіи въ первой половинѣ X вѣка русскаго княжества между Херсонскою областію и Черною Болгаріей, то онъ и долженъ быть признанъ за фактъ историческій, не подлежащій никакому сомнѣнію.

Но есть и письменное, современное, и даже, кажется, официальное византійское извѣстіе о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья и земель при Киммерійскомъ проливѣ, — извѣстіе, на которое доселѣ только потому не было обращено надлежащаго вниманія, что оно по своему содержанію весьма загадочно и таинственно; въ немъ не указаны ни время, ни мѣсто дѣйствія, ни имена дѣйствователей, а говорится только объ опустошеніяхъ, произведенныхъ гдѣ-то и когда-

то какими-то варварами, и о противодѣйствіи имъ со стороны автора извѣстія, не названнаго по имени, по лица, очевидно, официальнаго, то-есть, императорскаго стратега или главнаго правителя Херсонской области. Мы разумѣемъ здѣсь два черновые отрывка изъ какихъ-то записокъ, или писемъ неизвѣстнаго автора, которые византининецъ Газе нашелъ въ одномъ кодексѣ Парижской бібліотеки, содержащемъ въ себѣ разныя посланія св. Василія, Фалариды и св. Григорія Назіанзина, и напечаталъ въ своемъ изданіи Льва Діакона. Отрывки эти, помѣщенные въ кодексѣ въ разныхъ мѣстахъ между посланіями, на оставшихся по написаніи ихъ чистыхъ страницахъ, писаны весьма мелкимъ и связнымъ письмомъ, со многими поправками, поправками и приписками (*multis verbis mutatis, inductis superscriptis*), изъ чего нельзя не заключить, что авторомъ ихъ былъ владѣлецъ этого кодекса, на бѣлыхъ листахъ котораго онъ собственноручно изложилъ вчернѣ свои воспоминанія и впечатлѣнія тотчасъ послѣ совершившихся событій, и вѣроятно, съ официальною цѣлю, то-есть, съ тѣмъ, чтобы донести кому слѣдуетъ о случившемся и о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ¹⁾. Въ первомъ отрывкѣ онъ говоритъ о своемъ путе-

¹⁾ Газе помѣстилъ эти отрывки въ своихъ примѣчаніяхъ къ Льву Діакону (ed. Bonn. p. 496—505, nota ad p. 175) въ томъ предположеніи, что они, *можетъ-быть*, послужатъ къ объясненію сказанія Нестора о завоеваніи Херсона въ 988 году Владиміромъ Великимъ. Вѣдѣніе такого предположенія онъ, вѣроятно, и относитъ найденныя имъ отрывки, равно какъ и самый кодексъ, на листахъ котораго они написаны, къ исходу X вѣка (*saec. X exeuntis*), замѣчая, что они писаны «*litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam Cod. ipse recentioribus*», и еще въ другомъ мѣстѣ (l. c. p. 500): «*scriptura est ligata, quam vocant saec. X, aut XI*». Но вѣроятно, та же *scriptura ligata* употреблялась и раньше нѣсколько, напримѣръ, хоть въ послѣднемъ десятилѣтіи IX вѣка, къ которому, по нашему мнѣнію, должны относиться описанныя въ отрывкахъ событія. Этыхъ любопытныхъ отрывковъ коснулся и г. Кене («Исслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса», Спб. 1848, стр. 220—222; cf. *Mem. de la société d'Archeol.* III, 66—68), который полагаетъ, впрочемъ голословно, безъ доказательствъ, что въ нихъ говорится о событіяхъ временъ Іованна Цимисхія; а г. Гедеоновъ въ своихъ «Отрывкахъ изъ исслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ» (*Зап. Имп. Акад. Наукъ* т. I, прилож. № 3, стр. 69 и слѣд.) утверждаетъ, что во второмъ изъ найденныхъ г. Газе отрывковъ «дѣло идетъ о Святославѣ, о Кіевской и Черноморской Руси», именно о походѣ Святослава «на крымскій берегъ между 969 и 971 годами, то-есть, между первою и второю Волгарскою войною», — походѣ, предпринятомъ для освобожденія изъ-подъ греческаго протектората обитавшей въ Крыму Черноморской Руси, родственной съ Кіевскою. Но наша летопись (Др. 27) уже подъ 6473 (965) г. говоритъ, что Святославъ разбилъ кагана Хазарскаго, взялъ Вѣлую Вѣжу или Саркель на Дону и побѣ-

шествіи откуда-то изъ-за Днѣпра въ Тавриду, съ пѣхотой, конницей и съ обозомъ, по льду черезъ Днѣпръ, и далѣе по глубокимъ снѣгамъ пустынной, непріятельской страны, среди зимней вьюги и мятежей, при чемъ изъ географическихъ названій, кромѣ Днѣпра, упоминаются только какое-то селеніе (κώμη) Borion, на востокѣ отъ Днѣпра, и городъ или укрѣпленіе Maurocastrium. Другой отрывокъ,

диль Ясовъ и Касоговъ, обитавшихъ, какъ извѣстно, у сѣверной подошвы Кавказа. Почему же этотъ князь Киевской Руси тогда же, за одно уже, не освободилъ и свою черноморскую родину изъ-подъ византійскаго протектората, а нарочно для нея предпринялъ на «крымскій берегъ» особый походъ, неизвѣстный нашему лѣтописцу, и притомъ въ такое время, именно въ 969 году, когда всѣ его помысленія были устремлены на Болгарію, и когда только мольбы умирающей матери удержали его въ Киевѣ до слѣдующаго года? А въ слѣдующемъ, 970 году, онъ дѣйствительно отправился въ походъ, но только не «на крымскій берегъ», а въ Болгарію, гдѣ въ 971 году принужденъ былъ заключить миръ съ Цамисхіемъ въ Доростоли. Кажется, г. Гедсоновъ сличаетъ этотъ предполагаемый имъ походъ «между первой и второю болгарскою войною» для того только, чтобы имѣть право сказать, будто «отрывокъ именуется Святослава rex ad septentrionem Istri dominans, вследствие занятія 80 болгарскихъ городовъ на Дунаѣ». Но вѣдь Переяславецъ, Доростолъ и большая часть этихъ 80 городовъ (если ихъ дѣйствительно столько было покорено Святославомъ) лежали не на сѣверѣ, а на югѣ отъ Дуная; стало бытъ, *ослѣдствіе* ихъ занятія именно и нельзя уже было назвать Святослава *княземъ, господствующимъ на сѣверѣ отъ Истра*, а скорѣе можно было такъ назвать его, какъ влaстителя земли Русской, которая хотя и не прилежала къ сѣверному берегу Дуная, однако лежала *на сѣверѣ* отъ Дуная, ad septentrionem Istri. Г. Гедсоновъ находитъ еще, будто въ этомъ отрывкѣ «о задуманномъ окончательномъ завоеваніи Болгаріи» (Святославомъ), свидѣтельствуется выраженіе: «sed Mysorum praedam, quod aiunt (τῆν Μυσοῶν λείαν χαλοορευτήν), ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur». А вотъ что, по поводу этого выраженія находитъ Газе, говоря о другомъ писателѣ: «Moesiam inferiorem posuit scriptor, quod non intellexit voces Μυσοῶν λείαν. Quas proverbiales esse quis est, qui nesciat? (Hassii poetae in Leon. Diac. ed. Bonn. p. 408)». Вообще видно, что авторъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ» довольно поверхностно взглянулъ на древніе византійскіе отрывки, трактующіе о Варягахъ же. Но мы, тѣмъ не менѣе, должны быть благодарны ему за то, что онъ первый подвѣтилъ въ этихъ отрывкахъ весьма важный источникъ для рѣшенія спорнаго вопроса о Черноморской Руси, и тѣмъ обратилъ на нихъ вниманіе исследователей, то-есть, далъ имъ ходъ, такъ сказать. Хотя они давно уже существуютъ въ русскомъ переводѣ (см. Ист. Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей, перев. Д. Поповымъ. Спб. 1820, стр. 193—197), но этотъ переводъ, который самъ переводчикъ называлъ *вольнымъ*, едва ли кого познакомилъ съ ихъ значеніемъ и содержаніемъ; по крайней мѣрѣ, до г. Гедсонова никто, кромѣ Кене, сколько извѣстно, о нихъ не упоминаетъ.

помѣщенный въ кодексѣ листовъ черезъ 40 послѣ перваго, гораздо замѣчательнѣе. Въ немъ рѣчь идетъ о какихъ-то не поименованныхъ *варварахъ*, которые прежде славились такою кротостію и справедливостію, что какія-то *общины и племена сами добровольно подчинились изъ верховной власти*, послѣ же сдѣлались ненасытными завоевателями, и подобно дикимъ звѣрямъ, стали на всѣхъ бросаться и все низпровергать, не щади даже и соединенныхъ съ ними наитѣснѣйшими узами. Разрушивъ болѣе 10-ти городовъ и около 500 селеній, и опустошивъ всѣ окрестныя земли, эти варвары вторгнулись наконецъ и въ страну, которую управлялъ авторъ отрывковъ, и которую, по упоминаемому въ ней *клематамъ* (τὰ κλήματα), нельзя не признать за область Херсонскую. Въ этой странѣ въ числѣ подданныхъ императора оказались и такіе обитатели, которые, чуждаясь образа жизни Грековъ и не пользуясь никогда благорасположеніемъ императоровъ, стремились къ самостоятельности, и которые, притомъ, по своимъ жилищамъ были сосѣдями побѣдоносныхъ варваровъ и не отличались отъ нихъ своими нравами и обычаями. Посему, когда авторъ-правитель, пользуясь временнымъ удаленіемъ непріятелей, созвалъ на совѣщаніе всѣхъ этихъ, не греческаго происхожденія, обитателей подвластной ему страны и предложилъ составленному изъ нихъ совѣту старѣйшинъ на обсужденіе, каковаго властителя имъ желательнѣе было бы имѣть и какъ вообще поступить при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то всѣ они рѣшили: заключить миръ съ варварами и передаться на сторону ихъ повелителя, господствовавшаго надъ землями, въ сѣверу отъ Истра лежащими; веденіе же этого дѣла возложили на самого автора-правителя, который и окончилъ его съ желаннымъ успѣхомъ.

Таково содержаніе этого чрезвычайно любопытнаго и важнаго отрывка, который Газе справедливо называетъ „*praesclatum plenitque regum novarum fragmentum*“ (l. c. p. 504), и который заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, особенно русскихъ историковъ и изслѣдователей, что въ немъ подъ названіемъ варваровъ разумѣется наша норманская Русь, а подъ именемъ подвластныхъ Грекамъ не греческихъ обитателей Тавриды нельзя не разумѣть Готовъ-Тетраситовъ; ибо вопрсрвыхъ, кромѣ ихъ, исторія не знаетъ въ Тавридѣ никакихъ другихъ иноплеменишниковъ, подвластныхъ греко-херсонскому правительству, и повторныхъ, никакіе другіе обитатели Тавриды не могли сходствовать своими обычаями (*proptiis moribus*) съ норманскою Русью и ея предводителямъ. Внимательное разсмотрѣніе этого отрывка при-

вело насъ къ убѣжденію, что въ немъ рѣчь идетъ о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья между Дуѣвромъ и Дунаемъ и владѣній хазарскихъ и греческихъ при Киммерійскомъ проливѣ, то-есть, что отрывокъ этотъ пополняетъ пробѣлъ нашей лѣтописи о дѣлахъ Олега съ 884 до 906 года. Посему мы приведемъ его здѣсь въ латинскомъ переводѣ Газе, предложивъ въ примѣчаніяхъ свои соображенія касательно тѣхъ выраженій, которые подтверждаютъ наше предположеніе.

„Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, *recessimus* (ἀπέστημεν) *ab illis* (1) metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aequae enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel *erga coniunctissimos* (τῶν οἰκειοτάτων) continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patrandae caede volebant uti; sed Mysorum praedam quod aiunt, *ipsorum regionem* reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo *ut civitates et gentes ultro accederent illis* (ὥστε καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήσαν αὐτοῖς) (2). Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculari (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia *adversus subditos* (κατὰ τῶν ὑπηκόων): neque ornare et ex re ipsarum administrare *civitates dedititias* (πόλεις ὑπηκόους); sed redigere in servitutum et excindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida plus X, pagi plane deserti non minus quingentis (3); vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obruncabantur gladiisque hostilibus. Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium mentis quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improviso, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum inde, abruptis commerciiis

(ἀκρηροῦσι), bellum inter nos et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties (μυριάκις) de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est (4). Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a... sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equitibus militibusque *in regionem nostram irruerunt* (5), nos momento expugnatum iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat absouum eos hoc sperare, quod in diruto oppido commorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse...

Idque propere et instauratum fuerat, et fossa circummunitum: unaque cum his... bellum quoque incepit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem preparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, sarvato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC (въ греческомъ текстѣ сто-ятъ τ, то-есть 300). Barbari cum nusquam apparerent, quae apta huic tempori essent a me adornata sunt, murus vetus erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. Eos autem *qui ditionis nostrae erant* (τοὺς ἡμῶν προσέχοντες) (6), nunciis cursim missis arcessivi, de rerum summa in consilium ire volens. Undique cum advenissent, concione optinatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire, quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, graecaunicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod *regi ad septentriomen Istri dominantium conterminantes* (ἄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα) (7), praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non differ-

rent: idcirco statuerunt pacisci cum illis *seque dedere* (παράδοσιν αφέας). me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, eumque talem deprehendi, qualem desiderare quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam (αστραπείαν) totam, et ex ipsius regione redditus annuos idoneos largitus est (8).

(1) Стало быть, Херсонцы съ своимъ правителемъ были сначала въ связяхъ, въ сношеніяхъ, въ союзѣ съ варварами, то-есть, съ Русью. Когда же могли существовать тавія отношенія? Когда и противъ кого Херсонцы стояли сперва на сторонѣ Руси, а потомъ *отстали* отъ нея и рѣшились, по мѣрѣ силъ своихъ, сопротивляться? О существованіи подобныхъ отношеній при Владимірѣ Великомъ и думать нечего; нельзя предполагать ихъ и во время похода Святослава въ 965 году; когда по сосѣдству съ Херсонскою областію, какъ извѣстно изъ договора Игорева, существовало уже русское княжество. Если съ этимъ княжествомъ Херсонцы могли быть въ дружескихъ отношеніяхъ, то не естественно, чтобъ они, при появленіи тамъ побѣдоноснаго Святослава съ многочисленнымъ войскомъ, рѣшились вдругъ отстать отъ Руси и сдѣлаться ея врагами. Да и по общему содержанию отрывка видно, что въ немъ рѣчь идетъ не объ одномъ какомъ-либо походѣ варваровъ, а о войнѣ довольно продолжительной, опустошавшей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страны *соспдственныя и намъ сопредѣльныя* (vicinitates et confinia nostra), какъ говоритъ авторъ, и окончившейся вторженіемъ варваровъ въ область Херсонскую. Ясно, что это никакъ не подходитъ къ извѣстію нашей лѣтописи о походѣ Святослава въ 965 году. Предположивъ даже, что Святославъ уже съ 964 года, когда онъ „иде на Оку рѣку и Волгу“, до 967 года, то-есть, до похода на Болгарію, провелъ всѣ три года на востокѣ, воюя съ Хазарами, Ясами, Касогами и Вятчичами, все же трудно допустить, чтобы въ отрывкѣ говорилось именно объ этихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, еслибъ авторъ отрывка подъ именемъ варваровъ дѣйствительно разумѣлъ Русь Святославу, то почему онъ ни разу не назвалъ ея по имени, которое, вслѣдствіе столѣтнихъ сношеній, конечно, долженствовало быть очень хорошо извѣстно всѣмъ Грекамъ, особенно же правителю Херсонской области, сосѣдственной съ русскимъ княжествомъ? По умолчанію имени побѣдоносныхъ варваровъ, кажется ясно, что въ отрывкѣ рѣчь идетъ о томъ времени,

когда имя Руси было еще ново и мало знакомо для Грековъ. А такимъ оно могло быть, или лучше сказать, должно было вновь сдѣлаться послѣ 881 года, когда съ сѣвера нахлынули на Кіевъ новыя толпы завоевателей подъ предводительствомъ Олега и уничтожили прежнюю, уже знакомую Грекамъ Русь Асколда и Дира. Объ этихъ-то именно варварахъ, то-есть, о норманской Руси Олега только и можетъ быть рѣчь въ разсматриваемомъ нами извѣстіи. И совершенно понятно, почему съ этою Русью Херсонцы должны были сначала вступить въ дружескія, союзныя отношенія. Они уже съ давняго времени занимались весьма важными для нихъ рыбными промыслами въ устьяхъ Днѣпра, гдѣ для этого, разумѣется, имѣли свои промышленныя заведенія и пристанища, безъ сомнѣнія, укрѣпленныя; вѣроятно, они вели также и дѣятельную торговлю какъ съ сосѣдними Ульцами и Тиврьцами на сѣверномъ Черноморьи, такъ и съ Русью Асколда и Дира. Посему, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ и покоривъ окрестныя племена, обратилъ свое побѣдоносное оружіе на Славянъ Черноморскихъ и встрѣтился съ херсонскими Греками, то послѣдніе, разумѣется, должны были искать защиты и покровительства грознаго завоевателя, должны были умолять его объ охраненіи ихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ; Олегъ же, извѣстный своею хитростію, конечно, тотчасъ сообразилъ свои выгоды отъ союза съ ними: въ ихъ вооруженной помощи онъ, безъ сомнѣнія, не нуждался; но предвидя, что война, начатая имъ одновременно и съ Хазарами, и съ Черноморскими Славянами, сильными своею многочисленностію, должна протянуться на нѣсколько лѣтъ, и что для этого его флоту, чтобы не возвращаться на зиму въ Кіевъ, необходимо имѣть пристанища вблизи театра военныхъ дѣйствій и получать подъ рукою сѣстные припасы и прочія потребности, онъ, разумѣется, поспѣшилъ обласкать и успокоить Херсонцевъ, обѣщаль исполнить всѣ ихъ желанія и требованія, посулилъ золотыя горы въ будущемъ, и такимъ образомъ, привлекъ ихъ къ союзу съ Русью. Но вскорѣ Херсонцы испытали на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія этого союза: какъ слабѣйшіе, они оказались не стороною равноправною, а подчиненными, обязанными исполнять всѣ требованія сильнѣйшаго, который изъ союзника сдѣлался почти ихъ повелителемъ. Посему, видя себя обманутыми въ своихъ надеждахъ и разчетахъ, они отстали отъ союза и рѣшились сопротивляться Руси, но въ такое время, когда было уже слишкомъ поздно, и когда расторгеніе союза навлекло только бѣдствія войны на самую область Херсонскую. По

этимъ соображеніямъ мы не можемъ согласиться съ Газе, будто напечатанные имъ два отрывка помѣщены въ кодексъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ, то-есть, будто въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ о своемъ посольствѣ къ царю варваровъ, которое могло имѣть мѣсто только послѣ событій, описанныхъ во второмъ отрывкѣ. По нашему мнѣнію, въ первомъ отрывкѣ говорится объ отступленіи автора съ остатками его войска изъ окрестностей Днѣпра на полуостровъ, вслѣдствіе разрыва и неудачной войны съ Олегомъ, войска котораго вслѣдъ затѣмъ также вторгнулись въ область Херсонскую.

(2) Эти слова подтверждаютъ сказаніе нашей лѣтописи о добровольномъ призваніи сѣверными племенами князей изъ-за моря отъ Варяговъ-Руси, и вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ доказательствомъ того, что въ отрывкѣ говорится о дѣйствіяхъ Руси, послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ ея призванія, когда этотъ необыкновенный фактъ былъ еще въ свѣжей памяти, когда всѣ о немъ говорили съ удивленіемъ; да и авторъ отрывка замѣчаетъ о немъ, какъ о событіи еще недавнемъ, случившемся *ante hac — передъ симъ*. Замѣчательно особенно выраженіе *ἀντεταγγέλτως*, которое буквально можно передать нарѣчіемъ же *самовозвѣстительно*, и которое указываетъ, что общины и племена сами по своей доброй воли, воззвѣщенной чрезъ посольство, подчинились призваннымъ князьямъ. Ясно, что кромѣ призванія князей, записаннаго въ нашей лѣтописи, здѣсь ни о какомъ иномъ добровольномъ призваніи не можетъ быть рѣчи.

(3) Видно, что эти города и селенія, опустошенные и разрушенные варварами, находились не въ Херсонской области; о разореніи своихъ греческихъ городовъ авторъ-правитель не могъ бы отзывать такъ равнодушно и огуломъ: „*orrida plus X!*“ Онъ поименовалъ бы, по крайней мѣрѣ, главныя изъ нихъ. Да и по самому ходу разказа видно, что авторъ разумѣетъ города и селенія странъ сосѣдственныхъ и сопредѣльныхъ. Упомянувъ о жестокости и несправедливости варваровъ противъ ихъ собственныхъ подданныхъ (*subditos*), онъ оплакиваетъ участь подчинившихся имъ городовъ (*civitates dedititias*) и ихъ обитателей, и заключаетъ: „Однимъ словомъ, все въ странахъ сосѣдственныхъ и намъ сопредѣльныхъ, какъ-бы нѣкоею бурей низпровергло“ и проч. Затѣмъ, сравнивъ бѣдствія войны съ моровою язвой, онъ говоритъ, что язва эта, наконецъ, постигла и его область. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья, о разореніи городовъ и селеній Ульцевъ и Тиврьцевъ, и вѣроятно, также хазарскихъ владѣній при Киммерійскомъ проливѣ,

то-есть, о тѣхъ дѣйствіяхъ Руси, во время которыхъ сами Херсонцы были еще на сторонѣ этихъ варваровъ и считались ихъ союзниками.

(4) Описавъ особо, въ первомъ отрывкѣ свое трудное отступление изъ - за Днѣпра на полуостровъ, авторъ вскользь упоминаетъ здѣсь о военныхъ дѣйствіяхъ между Русью и Херсонцами, послѣдовавшихъ за отпаденіемъ послѣднихъ отъ союза и предшествовавшихъ ихъ отступленію въ Тавриду, при чемъ какъ - бы жалуется, что война началась *безъ предварительнаго объявленія* (ἀκηροκτί), тогда какъ самъ же онъ первый отпалъ отъ союза. Слова: „impendebatque hiems: non multum enim . . . sol aberat“ (то-есть, „наступила зима, солнце не далеко отъ . . . *(пропущенъ, вѣроятно, знакъ Зодіака)* отстояло“) указываютъ на ту самую зиму, когда авторъ совершилъ свой обратный походъ изъ-за Днѣпра, который, слѣдовательно, и долженъ бы собственно быть описанъ здѣсь, по хронологическому порядку.

(5) Вотъ, наконецъ, варвары вторгаются въ область Херсонскую съ многочисленнымъ войскомъ, съ пѣхотой и конницею, состоявшею, вѣроятно, изъ народовъ кавказскихъ. Но здѣсь невольно останавливаетъ насъ какая-то странная непослѣдовательность автора въ изложеніи мыслей. Послѣ заявленія о вторженіи враговъ, надлежало бы, по видимому, ожидать разказа объ ихъ варварскихъ дѣйствіяхъ на полуостровѣ, а вмѣсто того авторъ объявляетъ о своемъ безсиліи и невозможности защищаться въ разрушенномъ уже городѣ, потому что, какъ говоритъ онъ, *страна была уже прежде опустошена варварами* (прежде ихъ вторженія?) *и обращена въ пустыню, и стѣны юрода сруты до основанія*. Затѣмъ онъ толкуетъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ для обороны: о новомъ заселеніи клематовъ, о построеніи вѣнпости подлѣ города и проч. Потомъ, обронивъ фразу: „тогда же пачалась и война“ (unaque cum his . . . bellum quoque inserit), но ничего не сказавъ о ходѣ войны, опять переходитъ къ своимъ оборонительнымъ распоряженіямъ. Наконецъ, упомянувъ, что „варвары, потерявшиіе многихъ изъ своихъ, ночью отступили“, онъ неожиданно выказываетъ свою храбрость: „горя желаніемъ сразиться (πολεμῆσαι), я на разсвѣтѣ вывелъ противъ нихъ свои силы“; то-есть, зная уже, что непріатели ночью отступили, онъ рано утромъ „ргελіи cupidus“ выводитъ противъ нихъ свою силу ратную, — всего 400 человекъ съ небольшими! — и какъ-бы съ удивленіемъ замѣчаетъ, что *варваровъ нидѣ не оказалось* (Barbari cum nusquam apparerent, quae apta . . . etc.), а потому и приступаетъ къ возобновленію разру-

шенныхъ стѣнъ и къ обученію своего войска!... Что это такое? Не вѣжество ли, или явно умышленное, безсовѣстное извращеніе фактовъ?... Можно, впрочемъ, догадываться, что авторъ этихъ отрывковъ вступилъ въ управление Херсонскою областію во время самой войны, когда страна, неблагоразумно вовлеченная еще до него въ невыгодный союзъ съ варварами, пострадала уже болѣе или менѣе отъ необузданности и дивости своихъ союзниковъ; а потому новый правитель говоритъ только о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, представляетъ только свои заслуги, и умалчивая о своихъ неудачахъ и пораженіяхъ, сваливаетъ всѣ несчастія на прежняго правителя, на прежнее бѣдственное положеніе страны. Есть даже основаніе полагать, что нашъ авторъ былъ непосредственнымъ преемникомъ того Херсонскаго воеводы (стратига) Симеона, который, по свидѣтельству Византійцевъ, былъ убитъ возставшимъ народомъ въ 892 году ¹⁾. Слѣ-

¹⁾ Georg. Mon. Vita Leonis, ed. Bekk. 855. Theophan contin. ed. Bekk. 860. Symeon magist. ed. Bekk. 702. Georg. Namart. ed. de Muraltto, въ Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ по II-му Отд., кн. VI, стр. 774. Можно признать вѣроятнымъ, что наши отрывки написаны преемникомъ Симеона, новымъ Херсонскимъ стратигомъ, и слѣдовательно, не ранѣе 892 года; но съ какою цѣлію? Это не памятные записки, писанныя для себя, безъ определенной цѣли, и не семейныя, фамилярныя или дружескія письма; нельзя признать ихъ также и оціанальными донесеніями стратига своему правительству, хотя въ нихъ и проглядываетъ отчасти оціанальный оттѣнокъ; скорѣе всего это—дѣловыя письма, писанныя къ высшему лицу, которому стратигъ, тотчасъ по своемъ вступленіи въ должность, почему-то призналъ нужнымъ сообщить, такъ-сказать, конфиденціально о совершившихся событіяхъ и о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. А изъ того, что на этихъ письмахъ или отрывкахъ лежитъ какая-то тѣнь таинственности, что въ нихъ нѣтъ именъ ни народныхъ, ни географическихъ, ни личныхъ, и что они, стало быть, даже и въ то время не всякому могли быть понятны,—изъ этого нельзя не заключить, что письма эти писаны къ такому политическому дѣятелю, которому современное положеніе дѣлъ, общій ходъ описываемыхъ событій и дѣйствующія лица были хорошо извѣстны, или что эти письма, какъ секретныя, сопровождались краткими пояснительными записками, что особенно ко второму изъ нихъ былъ приложенъ краткій комментарий или ключъ, необходимый для уразумѣнія его смысла. Спрашивается: кто же это лицо, къ которому посланы были такого рода письма, только для него одного понятныя? Въ числѣ писемъ патріарха Николая I, по прозванію Мистика, помѣщенныхъ въ Spicilegium Romanum t. X, есть два письма (ихъ указалъ намъ профессоръ Васильевскій), которыя, какъ отвѣтныя письма, имѣютъ поразительно тѣсную связь съ нашими отрывками. Въ первомъ письмѣ (подъ № 68, стр. 342) патріархъ, извѣщая писавшаго (оба письма написаны въ Spicilegium къ неизвѣстному, ἀβήλων) о полученіи его грамоты и называя «сынъ нашъ», говоритъ, что онъ не могъ безъ душевнаго волненія и страха читать о тѣхъ опасностяхъ,

довательно, онъ имѣлъ полную возможность оправдывать себя, сваливая все на погибшаго предмѣстника, который, какъ виновникъ несчастнаго по своимъ послѣдствіямъ союза съ Русью, сдѣлался не-

которымъ подвергался писавшій, и что только конецъ письма успокоилъ его извѣстіемъ о благополучномъ прибытіи писавшаго *въ городъ Херсонитовъ*. Все это вполне подходящий отвѣтъ на первый отрывокъ, въ которомъ неизвестный описываетъ свое трудное зимнее путешествіе, сопряженное съ опасностями и лишениями, и который именно оканчивается прибытіемъ автора, съ его спутниками, въ Магосаструм, гдѣ они радостно были встрѣчены (Магосаструм, на Венеціанскихъ картахъ Negropolis, показанъ въ сѣверной части Крыма, на берегу Перекопскаго залива; вѣроятно, это древній *Карцимитъ*, который Ибнъ-Дасту (изд. Д. А. Хвольсона, стр. 27) извѣстенъ подъ именемъ *Кархъ*; гдѣ Мадыяры производили мѣновой торгъ съ Херсонскими Греками). Изъ этого письма патріарха видно также, что оно писано къ лицу, занимавшему важный гражданскій постъ въ Херсонѣ, слѣдовательно, вѣроятно, къ стратигу, — ибо патріархъ возлагаетъ на него заботы о христіанствѣ въ Хазаріи и убѣждаетъ его дѣйствовать согласно съ архіепископомъ Херсонскимъ и поддерживать его распоряженія по дѣламъ вѣры и церкви.

Другое письмо (подъ № 80, стр. 355) также весьма подходящий отвѣтъ на второй отрывокъ: въ немъ патріархъ отвѣчаетъ на полученную имъ грамоту, въ которой говорилось объ опустошеніи городовъ, о разореніи страны, вслѣдствіе нерадѣнія прежнихъ правителей, о лютой нечестивыхъ безбожныхъ враговъ. Писавшаго грамоту онъ почти прямо называетъ стратигомъ, то-есть, убѣждаетъ его ревностно приступить къ исправленію и восстановленію всего того, что *было до него стратиги* (*οἱ πρό σοῦ στρατηγούσαντες*) погубили своимъ нерадѣніемъ; имѣетъ съ тѣмъ, онъ проситъ стратига, и даже *настоятельно* (*τοῦ θεοῦ δυναμώοντος*), писать къ нему и впредь о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, обнадеживая его за доблестную службу милостями *великаго императора*.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти два письма патріарха Николая I-го писаны къ Херсонскому стратигу, только что вступившему въ свою должность, и писаны именно въ отвѣтъ на письма, отъ него полученныя; судя же по содержанію отвѣтныхъ писемъ, едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что письма стратига къ патріарху и наши отрывки — одно и то же, то-есть, что послѣдніе суть черновые автографы тѣхъ самыхъ писемъ Херсонскаго стратига, на которые патріархъ отвѣчаетъ. Слѣдовательно, эти отвѣтные письма патріарха, бросая яркій лучъ свѣта на наши таинственные отрывки, весьма для насъ важны, и за указаніе ихъ — отъ души наше русское *спасибо* В. Г. Васильевскому. Мы знаемъ теперь, кѣмъ и къ кому писаны отрывки, и можемъ — по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію — опредѣлить время ихъ написанія, а слѣдовательно, и время тѣхъ чрезвычайно важныхъ событій, которыя въ нихъ излагаются. Первый отрывокъ, которымъ стратигъ извѣщаетъ патріарха о своемъ путешествіи изъ-за Днѣпра до ближайшаго пограничнаго города страны, ввѣренной его управленію, могъ быть написанъ не ранѣе 892 года, если писавшій дѣйствительно былъ непосредственный преемникъ убитаго въ этомъ

навиственнымъ народу и заплатилъ жизнью за свою непредусмотрительность. Совпаденіе хронологическихъ показаній, равно какъ и самыя выраженія разсматриваемаго нами извѣстія, оправдываютъ наше предположеніе. Союзъ между Херсонцами и Русью, какъ выше сказано, долженствовалъ быть заключенъ при самомъ началѣ войны Олега съ Ульцами и Тиврыцами, то-есть, въ 885 году, слѣдовательно, въ то время, когда Херсонскимъ правителемъ, по всей вѣроятности, былъ вышеупомянутый Симсонъ, убитый семь лѣтъ спустя. Важнѣйшимъ условіемъ союза, наиболѣе выгоднымъ для Олега, было право, предоставленное его флоту, зимовать въ гаваняхъ Тавриды и получать оттуда все необходимое; ибо это дало ему возможность ежегодно уже раннею весной открывать военные дѣйствія и громить одновременно и землю Черноморскихъ Славянъ, и хазарскія владѣнія по Азовскому

году херсонскаго стратига Симеона; другой же Отрывокъ долженствовалъ быть написанъ тотчасъ или вскорѣ по заключеніи мира съ тѣмъ могущественнымъ властителемъ (Олегомъ), который названъ «царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная», то-есть, вѣроятно не позже 897 года. Стало быть, къ этому же времени должны относиться и отвѣтныя грамоты патріарха Николая I-го или ученаго, благочестиваго монаха Николая, который, состоя при императорѣ Львѣ Философѣ въ званіи мистика (*officium mystici gesserat*), былъ уже до своего перваго патріаршества (поставленъ въ 895 году, а по другимъ извѣстіямъ годомъ или двумя позже) важнымъ государственнымъ дѣятелемъ, и безъ сомнѣнія, какъ секретарь императора, велъ обширную переписку, оиціальную и частную, съ губернаторами и другими представителями императорской власти въ провинціяхъ, имѣя вліяніе и на самое назначеніе этихъ сановниковъ. Судя по тону его писемъ къ нашему стратигу, можно полагать, что послѣдній пользовался его покровительствомъ, и быть можетъ, чрезъ него получалъ свое мѣсто.

Посему и событія, о которыхъ говорится въ послѣднемъ отрывкѣ, или въ письмѣ стратига, непременно должны быть отнесены къ исходу IX-го вѣка, то-есть, къ тому времени, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, началъ, почти одновременно, войну и съ Хазарами, и съ Славянами Черноморскими — войну, окончившуюся утвержденіемъ русскаго господства на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, чтѣ несомнѣнно подтверждается договоромъ Олега (911 г.), упоминающимъ о Русской землѣ на берегахъ Чернаго моря (см. прим. 7). Объ этой-то войнѣ Олега и его варяжской Руси только и можетъ быть рѣчь въ нашемъ отрывкѣ. Ибо если подѣ «царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная», съ которымъ притомъ Готы-Теракситы были «сосѣди» по его владѣніямъ при Киммерійскомъ проливѣ, нельзя разумѣть никого, кромѣ Олега, и если, стало быть, Олегъ, при заключеніи мира, *передалъ опять*, то-есть, *возвратилъ* стратигу клематы и Херсонское градоначальство (*mihî Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam*), то онъ же, конечно, долженъ былъ и *отнять* ихъ сперва, такъ какъ возвратитъ то, чего не бралъ, не возможно.

морю и Дону. Такимъ образомъ, онъ быстро достигъ своей цѣли: покорялъ все сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Дуная и принудилъ кагана Хазарскаго отказаться не только отъ прежнихъ его приднѣпровскихъ данниковъ, но и отъ принадлежавшихъ ему владѣній при Киммерійскомъ проливѣ, изъ которыхъ и образовалось Тму-тараканское княжество подъ верховною властію Олега. Но для Херсонцевъ союзъ съ варварами оказался гибельнымъ: полудикіе моряки Олега, зимую у союзниковъ, не церемонились съ своими хозяевами, распорядились въ ихъ домахъ и семействахъ по праву сильного, дозволяли себѣ буйство, насиліе, самоуправство,—грабили, убивали невинныхъ. Эти-то дѣйствія ихъ нашъ авторъ и изображаетъ словами: „Не было отъ нихъ никакой пощады даже и вѣрнѣйшимъ ихъ союзникамъ: они губили ихъ безъ разбора, не за вину какую-либо или за ихъ злоумышленія, — но влекомые жаждою крови и разрушенія, помышляли всю страну ихъ (τὴν αὐτῶν γῆν) обратить въ мертвую пустыню“ (Mysorum praeda — поговорка, буквально: добыча Мислянъ). Что здѣсь подъ именемъ „вѣрнѣйшихъ союзниковъ“ (coniunctissimi, οἰκιστάτοι), страну которыхъ варвары, будтобы, помышляли обратить въ пустыню, разумѣются сами Херсонскіе Греки, какъ союзники дѣйствительно зимовавшей у нихъ Руси, — это совершенно ясно изъправки выраженія „τὴν αὐτῶν γῆν“ (изъ страну), гдѣ, по показанію Газе (I. с. р. 501), авторъ, правитель Херсонской области, вмѣсто αὐτῶν (ихъ), сперва написалъ ἡμῶν (нашу), которое зачеркнулъ потомъ. Естественно, что такое положеніе страны Херсонской вызвало возстаніе противъ стратига Симеона, какъ виновника союза съ варварами, который и былъ убитъ въ 892 году, а преемникъ его, авторъ отрывковъ, въ томъ же или въ слѣдующемъ году отсталъ отъ союза, и заперевъ свои гавани для кораблей Олега, рѣшился сопротивляться. Но теперь Олегъ уже не нуждался болѣе въ дружбѣ Херсонцевъ и еще менѣе страшился вражды ихъ. Онъ былъ уже владычиномъ *Русскаго моря*, то-есть, Чернаго вмѣстѣ съ Азовскимъ, на берегахъ котораго имѣлъ уже свои владѣнія, своихъ subditos, свои civitates dedititias, былъ, слѣдовательно, сосѣдомъ грознымъ и кагану, и Херсонцамъ, и могъ бы, безъ сомнѣнія, совершенно покорить всю Херсонскую область; но вѣроятно, соображаясь съ тогдашними обстоятельствами, призналъ за лучшее оставить ее въ прежнемъ положеніи и только потребовалъ освобожденія изъ-подъ греческой власти своихъ соплеменниковъ Готовъ-Тетравситовъ, чтобы пріютить ихъ подъ своимъ верховнымъ покровительствомъ. Съ этою - то цѣлію онъ и вступилъ

около 893 г. съ многочисленнымъ войскомъ въ страну Херсонскую, и разумѣется, опустошилъ ее, хотя нашъ авторъ и молчитъ о томъ.

(6) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти „подчиненные“ (*προσέχουτες*), которые чуждались образа жизни Грековъ и не различались правами и обычаями отъ побѣдоносныхъ варваровъ, были Готы-Тетракситы. Они, какъ видно, не принадлежали къ войску правителя и не участвовали въ войнѣ его съ варварами, хотя дѣло, очевидно, шло объ ихъ участи; ибо только ихъ, по отступленіи неприятеля, правитель созываетъ на общее совѣщаніе, предлагая имъ самимъ рѣшить свою судьбу. Кажется, Херсонскому правителю не хотѣлось разстаться съ своими „подчиненными“, но они сами рѣшили *передаться* (*παράδωκεν ὄφει*) подъ власть Олега, какъ своего соплеменника, сосѣда и могущественнаго властителя. И правитель долженъ былъ исполнить ихъ желаніе, согласное съ требованіемъ побѣдителя.

(7) Царствующимъ надъ сѣверными отъ Истра странами никого изъ русскихъ князей нельзя было назвать съ большимъ правомъ, какъ Олега, покорившаго все сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Прута и нижняго Дуная. А изъ того, что здѣсь Готы-Тетракситы названы по своимъ жилищамъ *граничащими* или *сопредѣльными* (*συντεγμιναντες, βροροι*) съ страню царствующаго на сѣверѣ отъ Истра, очевидно, что въ это время, кромѣ земель между Днѣпромъ и Дунаемъ, Олегу принадлежали уже и земли на берегахъ Киммерійскаго пролива, отторгнутыя отъ Хазарской державы. Слѣдовательно, около 893 — 897 годовъ, времени вѣроятнаго начертанія этихъ отрывковъ, Олегъ дѣйствительно уже господствовалъ въ Тмутаракани и былъ полновластнымъ владыкою Русскаго моря.

(8) По этимъ словамъ можно подумать, что нашъ авторъ-правитель, вслѣдствіе войны съ варварами, остался еще въ выгодѣ; что онъ, при заключеніи мира, не только получилъ обратно всю власть надъ *клематами* и всю свою префектуру или сатрапію (*σατραπείαν*), но еще былъ награжденъ значительными ежегодными доходами изъ собственной области повелителя варваровъ. На дѣлѣ же оказывается, что все было потеряно, что вся область Херсонская была уже во власти варваровъ, и что онъ, благодаря только великодушію побѣдителя, получилъ обратно ту часть своей области, которой населеніе было греческое, предоставивъ Готовъ-Тетракситовъ со всею ихъ территоріей въ распоряженіе Олега ¹⁾. Да и самое награжденіе прави-

¹⁾ О мѣстожителствѣ Готовъ-Тетракситовъ Проконій говоритъ (*De bello Goth.*, ed. Bonn. II, 474): „Ubi se primum aperit alvens, quo palus (то-есть,

теля ежегодными доходами, кажется, должно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ, при переговорахъ, представилъ или счетъ недоимкамъ, числившимся на Готахъ-Тетракситахъ за минувшіе годы, или какіе-

Азовское море въ Черное) *effunditur, degunt Gotthi, Tetraxitæ cognonime*.... и затѣмъ поясняетъ (ibid. p. 476): «*Ut quis paludem eiusque meatum superavit (то-есть, переходя съ Кавказскаго перешейка въ Крымъ), in ipso statim littore, anti- quas intrat sedes Gottherum Tetraxitarum*». Но эти жилища, при Азовскомъ морѣ, на сѣверномъ берегу восточной оконечности Крыма или нынѣшняго Керченскаго полуострова, Готы-Тетракситы принуждены были покинуть, вытѣсненные Гуннами-Утургурами въ первой половинѣ V-го вѣка, по хронологіи Прокопія. Тогда они, заключивъ миръ съ своими врагами и сдѣлавшись ихъ союзниками, перешли на противоположный Черноморскій берегъ той же восточной оконечности Крыма и поселились тамъ, *ad littus alvei quo palus infuit* (въ Черное море), *ubi hodieque habitant*—говоритъ Прокопій (ibid. p. 478). Эту приморскую страну, между Веспоромъ и Феодосіей, онъ въ другомъ сочиненіи (*de Aedif.*, ed. Vopp. III, p. 262) называетъ *Дори* (*Δόρι*), и говоритъ, что она при Юстиніанѣ I-мъ была ограждена отъ вторженій варваровъ длинными стѣнами (*ταχυεμασι μακροῖς*), пропелонными въ горныхъ проходахъ на сѣверѣ, равно какъ и сильно укрѣпленными городомъ Веспоромъ. Въ самой же странѣ императоръ, по словамъ Прокопія, не поставилъ ни городка, ни крѣпости, потому что обитатели ея, любя жизнь сельскую, не терпятъ запирается въ каменныхъ оградахъ. Впрочемъ, Никифоръ патриархъ (*Memor. pop. I, 248*), повѣствуя о событіяхъ 702 года, упоминаетъ, кажется, въ той же странѣ (*in Gothiæ limitibus*) о крѣпости *Доросъ*. Эта же страна, по ея древнѣйшимъ обитателямъ Тавраиъ и Тавроскиаиъ какимъ-то, называлась у Грековъ и *Тавроскиаскою землею* еще въ VIII вѣкѣ. Такъ, известный готскій епископъ Іованнъ, въ житіи его, называетъ, въ «*Acta Sanct.*» (*Jun. T. V., p. 190*): *ὀριώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκιαίων γῆς*..., а въ прологѣ (см. Крымск. Сборн. Келпена, стр. 66): «отъ Тавроскиаскія страны подъ властію Готскою». Посему, весьма вѣроятно, что и поселившіеся въ этой Тавроскиаской странѣ Готы-Тетракситы назывались, въ свою очередь, также и *Тавроскиаиами*, до перенесенія этого имени Львомъ Діакономъ на Русь Святославу. Но отъ чего они *Тетракситы* (*тетраξίται*)? Имя это, очевидно, составное, и въ его послѣдней части сокрыто, можетъ-быть, искаженное *Σχόβαι*—имя, которымъ Греки называли и Черноморскихъ Готовъ, и всѣхъ вообще обитателей восточной Европы; но какое же имя скрывается въ первой его части? Конечно, не *тѣтраξ* (названіе птицы какой-то) и не *тѣтраξис* (четырежды), а вѣроятно *тетрάρχια* (Тетрархія). Бутновъ (*Обор. лѣтн. Нест., стр. 265*) приводитъ (кажется, изъ *Memor. popul.*) слова Прокопія о странѣ Дори, «въ которой живутъ Готы-Тетракситы», прибавляетъ къ нимъ въ скобкахъ: *въ четырехъ селеніяхъ*. Эта замѣтка, безъ сомнѣнія, не съ вѣтру схвачена, но можетъ-быть выражена источно: въ ней *селенія*, кажется, означаютъ сельскія волости, округи, то-есть, клематы, и эти *четыре клемата Готіи* или страны Дори, вѣроятно, составляли самостоятельную *Тетрархію*, отдѣльную отъ херсонскихъ клематовъ и независимую отъ херсонскаго городского правительства, а подчиненную непосредственно самому стратигу, какъ представителю

нибудь прежніе не уплаченные счета по съѣстнымъ припасамъ и другимъ потребностямъ, забраннымъ Русью у Херсонцевъ во время существованія между ними союзныхъ отношеній, и что Олегъ, признавъ законность его претензій, повелѣлъ уплачивать требуемую имъ сумму въ опредѣленные сроки, погодно, изъ будущихъ доходовъ съ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній. Иначе, съ чего бы, кажется, было Олегу предоставлять Херсонскому правителю право на ежегодные доходы съ своей собственной области, съ земли Русской!

Итакъ, съ небольшимъ десять лѣтъ прошло со времени занятія Кіева Олегомъ, и русское господство уже прочно утвердилось на Русскомъ морѣ завоеваніемъ страны Ульцевъ и Тиврьцевъ и земель на обоихъ берегахъ Воспора Киммерійскаго! Особенно послѣднее изъ этихъ завоеваній (первое уже при Игорѣ было утрачено) имѣло важныя послѣдствія: обезопасивъ отъ Хазаръ столицу и придѣлѣпровскія завоеванія Олега и передавъ въ его руки не только все торговое движеніе на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, но и самую судьбу Хазарской державы, оно открыло торговлѣ и воинскимъ предпріятіямъ Руси обширнѣйшее поприще и сдѣлало имя ея извѣстнымъ и грознымъ на Востокъ. Вотъ почему съ этого времени восточные писатели такъ много говорятъ о Руси! Извѣстія ихъ, безъ сомнѣній, большею частію касаются именно этой, такъ-называемой Черноморской Руси, которая господствовала въ Тмутаракани, Воспорѣ и другихъ мѣстахъ при Киммерійскомъ проливѣ, въ сосѣдствѣ съ Херсонскою областію, Хазаріей и странами кавказскими.

Н. Ламбинъ.

императора, протектора Тетрархіи. Еслибъ это предположеніе подтвердилось, то и прозвище Тетраситы можно бы принять за сокращеніе, вмѣсто *ἡ τῆς τετραρχίας ἑξέβασις*, то-есть, *Скиѣмъ Тетрархіи*.

Итакъ, эту Тетрархію изъ четырехъ готскихъ клематовъ или страну *Дори*, обнимавшую южную часть Керченскаго полуострова, Олегъ присоединилъ къ своимъ Воспорскимъ владѣніямъ, отторгнутымъ отъ Хазарской державы; собственно же Херсонскіе клематы и самое градоначальство или *сатрапію* (*σατραπεία*) возвратилъ при заключеніи мира императорскому намѣстнику, который въ письмѣ своемъ, называвъ только возвращенными ему владѣніями, не смелъ за нужное даже и вспомнить объ утраченной, небольшой и почти независимой области съ ея не греческимъ населеніемъ, добровольно перешедшимъ на сторону своего могущественнаго сосѣда и соплеменника.